

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК: ПИСЬМА 1897–1914 ГГ., СВЯЗУЮЩИЕ А. А. ДМИТРИЕВСКОГО И Н. Н. ПАЛЬМОВА

В настоящей публикации представлен комплекс писем, связанных с именами двух ученых, внесших немалый вклад в развитие отечественной науки: великого литургиста, византиниста и востоковеда Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929) и его ученика по Киевской духовной академии Николая Николаевича Пальмова (1872–1934) — на первом этапе исследовательской деятельности литургиста и церковного археолога, а в дальнейшем историка калмыцкого народа. В публикацию включено 26 писем Н. Н. Пальмова к А. А. Дмитриевскому, основная часть которых относится к 1909–1914 гг. В эти годы Н. Н. Пальмов преподавал в Киевской духовной семинарии, а с 1912 г. — в академии, А. А. Дмитриевский же, покинув академию, пребывал в Петербурге в должности секретаря Совета Императорского православного Палестинского общества. Эта подборка дополнена двумя письмами А. А. Дмитриевского к Н. Н. Пальмову, датированными 1914 г., а также двумя письмами (1912–1913 гг.) Н. Н. Пальмова к супруге своего учителя А. И. Дмитриевской. Публикация продолжает цикл представления архивных документов, связанных с жизнью и деятельностью А. А. Дмитриевского.

В письмах затрагиваются три основные темы: литургические вопросы, связанные прежде всего с исследованиями Н. Н. Пальмова; внутренняя жизнь Киевской академии в контексте проблем духовной школы, с одной стороны, и церковной жизни Киева, с другой; жизнь Астраханской епархии, откуда были родом автор и адресат писем.

В представляемых письмах содержатся сведения, интересные и важные для историков Церкви, духовной школы, богословской науки.

Публикуемые письма находятся в архивном фонде А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Ключевые слова: *Николай Николаевич Пальмов, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Киевская духовная академия, Астраханская епархия, богословское образование, историческая литургика.*

В настоящей публикации представлен комплекс писем, связующих имена двух ученых, каждый из которых внес немалый вклад в развитие оте-

чественной науки: великого литургиста, византиниста и востоковеда Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929) и его ученика по Киевской духовной академии Николая Николаевича Пальмова (1872–1934) — на первом этапе исследовательской деятельности литургиста и церковного археолога, а в дальнейшем историка калмыцкого народа. Н. Н. Пальмов был одним из ближайших учеников А. А. Дмитриевского, всегда отличавшегося научной «многочадностью» и вырастившего целую плеяду литургистов, церковных археологов, византинистов и церковных деятелей. Н. Н. Пальмов был одним из семи магистров, написавших диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского и преемником учителя по кафедре, разделенной в 1911 г. на две: литургики и церковной археологии¹.

О жизни и деятельности знаменитого русского литургиста и востоковеда А. А. Дмитриевского в последние годы опубликовано немало статей, в которых отмечены нюансы жизненного пути великого ученого — отсылаем читателя к ним². Внимание исследователей привлекала и личность Н. Н. Пальмова, однако подробно был изучен преимущественно последний период его деятельности — послереволюционный, протекавший в родной Астрахани, посвященный изучению истории калмыцкого народа и принесший Н. Н. Пальмову немалую славу. Что же касается дореволюционного периода — преподавательской деятельности в духовных семинариях, затем в родной академии, — про это известно довольно мало. Именно на этот период деятельности Н. Н. Пальмова, его успехи и проблемы проливают свет публикуемые письма.

Но следует кратко прочертить весь жизненный путь Н. Н. Пальмова. Он родился 8 декабря 1872 г.³ в потомственной священнической семье

¹ Первую кафедру занял в 1908 г. ученик А. А. Дмитриевского священник Василий Прилуцкий, письма которого к учителю были недавно опубликованы (см.: «Союзом боязни связуем...» (Письма протоиерея Василия Прилуцкого к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.)) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 1 (9). С. 113–148); вторую — в 1912 г. Н. Н. Пальмов.

² *Акишин С. Ю.* Последний период жизни и судьба научного наследия профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 2011. №15. С. 258–259.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 223. Формулярный список и. д. доцента Императорской Киевской духовной академии Николая Николаевича Пальмова от 1 декабря 1913 г. Л. 47 об. Другая дата — 21 декабря по ст. ст. — приводится биографом Н. Н. Пальмова

г. Астрахани. Его прадед о. Иаков Тихонович служил в городской Смоленской церкви, а дед — протоиерей Гавриил Яковлевич (1817–1900) — прослужив после окончания Астраханской ДС (1838) и принятия священного сана четыре года в этой же церкви, в 1845 г. был переведен на должность ключаря в кафедральный Успенский собор, получив через три года сан протоиерея, а в декабре 1872 г. и статус «кафедрального протоиерея». О. Гавриил был весьма заметной личностью в церковно-интеллектуальной жизни Астрахани: одним из лучших преподавателей Астраханского духовного училища, членом Правления Астраханской ДС и законоучителем Мариинской женской гимназии, просветителем калмыков, знатоком и собирателем церковных древностей и пения, старообрядческих рукописей⁴. Этими же талантами и интересами отличался отец Н. Н. Пальмова — протоиерей Николай. После Астраханской ДС (1865) он окончил КДА (1869) и, прослужив недолго в Пермской и Черниговской ДС, вернулся в родной город и пошел по стопам своего отца: служение в кафедральном Успенском соборе, законоучительство в Астраханском ЕЖУ и Мариинской женской гимназии. Протоиерей Николай также с большим почтением относился к истории родной епархии, ее древностям, был одним из инициаторов учреждения, а затем и активным членом Петровского общества исследователей Астраханского края (в память о посещении Астрахани царем Петром I). Таким образом, семейная обстановка содействовала формированию интересов юного Николая Пальмова-младшего. К моменту его рождения семья уже получила потомственное дворянство, что давало детям особые права, но Николай Пальмов следовал «тропой отцов», окончив Астраханскую ДС (1893) и поступив в КДА⁵. Видимо, литургико-археологические интересы сформировались у Н. Н. Пальмова еще в Астрахани, поэтому выбор специализации — то есть проведения исследования на кандидатскую степень, — был предопределен. Но возможно, что дополнительным фактором послужила личность А. А. Дмитриевского, который был для Пальмова не только земляком, но и родственником. Степень их род-

---

Л. С. Бурчиновой: *Бурчинова Л. С. Ученый, педагог, человек* [о Н. Н. Пальмове]. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1978. С. 3.

⁴ *Литницкий Н.* Слово при погребении кафедрального протоиерея Гавриила Яковлевича Пальмова // Астраханские епархиальные ведомости (далее — АЕВ). 1900. № 7.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 223. Л. 47 об.

ства выявить пока не удалось — скорее всего, оно было не кровным: сам Н. Н. Пальмов пишет об их «кумовстве и свойстве»⁶. Кандидатское сочинение по теме, предложенной А. А. Дмитриевским, — «Чинопоследования пострижений в монашество (историко-археологическое исследование)» — было достаточно высоко оценено последним. Рецензент отмечал, что автор не только «с замечательной кропотливостью, самым добросовестным образом изучил все ему известные и доступные списки данных чинопоследований на пространстве времени с IX в. по XVII в., как византийские, так и славяно-русские», но и пошел дальше, попытавшись выяснить их генезис, обратившись к древнейшим монашеским уставам и житиям известнейших иноков Египта, Понта и Палестины⁷. Однако были и важные замечания, на которые Н. Н. Пальмову предлагалось обратить внимание при продолжении исследования: диссертации не хватало археологической полноты. Так, вопросы «о месте пострижения, о предметах, употребляемых при совершении чинов, об одеждах, в которые облакаются иноки» изучены были лишь фрагментарно⁸. А. А. Дмитриевский советовал обратить большее внимание и на контекст, то есть на влияние, под которым складывались чины пострижения в монашество, и на выявление влияния, которое, возможно, чины пострижения оказывали на другие богослужебные чины.

Николай Пальмов окончил КДА 14-м по разрядному списку кандидатом-магистрантом, поэтому даже не рассматривался в качестве претендента на место профессорского стипендиата. Но курс был богат лицами, в дальнейшем заметными в истории Русской Церкви и богословской науки: однокурсниками Пальмова были Григорий Ярошевский — будущий митрополит Варшавский Георгий (1872–1923), иеродиакон Никандр (Феноменов; 1872–1933) — будущий митрополит Ташкентский и Туркестанский, иеродиакон Митрофан (Краснопольский; 1869–1919) — будущий архиепископ Астраханский, прославленный в лике святых, Иосиф Бродович — будущий профессор церковной исто-

⁶ Письмо Н. Н. Пальмова к А. А. Дмитриевскому от 21 апреля 1912 г. (ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Ед. хр. 568. Л. 26 об.).

⁷ Отзыв А. А. Дмитриевского о сочинении студента Николая Пальмова на тему: «Чинопоследования пострижений в монашество (историко-археологическое исследование)» // Извлечение из протоколов Совета Киевской духовной академии (далее — ИПС КДА) за 1896/1897 уч. г. Киев, 1898. С. 230.

⁸ Там же. С. 231.

рии Харьковского университета, Михаил Лисицын — будущий протоиерей и церковный композитор... Последний, как и Н. Н. Пальмов, специализировался у А. А. Дмитриевского, и с Н. Н. Пальмовым у них было некоторое соперничество в научных успехах. Но завершение магистерских диссертаций у обоих несколько задержалось.

Окончив КДА в 1897 г., Пальмов не сразу начал педагогическую деятельность: лишь 4 февраля 1899 г. он стал преподавателем гомилетики и соединенных с ней предметов в Псковской ДС, а 8 сентября следующего года к этому добавилось и преподавание космографии и географии в Псковском ЕЖУ. Разумеется, как и многих выпускников, Н. Н. Пальмова влек Киев — близость к родной академии, к ученому сообществу. Наконец в январе 1901 г. ему удалось занять должность преподавателя латинского языка в Киевской ДС⁹, и общение с бывшими профессорами — разумеется, прежде всего, с А. А. Дмитриевским, стимулировало новый этап в проведении магистерского исследования. Но кропотливая историко-археологическая работа требовала много сил и времени, и этот процесс, не имевший очевидных результатов, при всей преданности делу, нервировал Н. Н. Пальмова. При уходе в 1907 г. из КДА А. А. Дмитриевский рекомендовал в качестве своего преемника Василия Прилуцкого, а не Н. Н. Пальмова. Выбор был вполне естественным: у Прилуцкого как раз шел стипендиатский год, да и его магистерская диссертация была ближе к завершению, но, конечно, и Н. Н. Пальмову очень хотелось в преподавании вернуться к любимым литургике и археологии.

Однако в 1912 г. наконец наступил «звездный час» и для Пальмова: новым Уставом духовных академий 1911 г. единая кафедра литургики и церковной археологии была разделена на две соответствующих, Прилуцкий выбрал литургику, и Пальмов был предложен одним из кандидатов на археологию. Но протезировал его на кафедру профессор гомилетики священник Николай Гроссу при поддержке инспектора академии протоиерея Василия Богдашевского, А. А. Дмитриевский же рекомендовал другого своего ученика — выпускника КДА 1903 г. Леонида Никольского. Несмотря на то, что Никольский был не очень сильным студентом — он кончил академию во 2-м разряде, то есть кандидатом без прав магистранта, — А. А. Дмитриевский ценил его целенаправленный интерес к церковному искусству, иконе, и именно это считал глав-

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 223. Л. 47 об. — 48.

ным для преподавателя-специалиста. Однако корпорация не приняла кандидатуру Л. Никольского, и после непростого соперничества с еще одним, более реальным кандидатом на кафедру — выпускником КДА 1905 г. В. И. Барвинком — Н. Н. Пальмов все же получил желанную кафедру. 24 февраля 1912 г. он был избран на нее Советом, 17 мая того же года утвержден в должности Святейшим Синодом¹⁰.

Через два с половиной года, 12 июня 1914 г., Н. Н. Пальмовым был достигнут еще один успех: состоялась наконец и долгожданная защита магистерской диссертации¹¹. Позже, 3 (16) февраля 1918 г. Н. Н. Пальмов был избран экстраординарным профессором по своей кафедре — это было его наивысшим восхождением в духовно-академической науке. Но отношения с учителем разладились и, видимо, переписка так и оборвалась в 1914 г.

Однако духовной школе оставалось жить не так долго, и Н. Н. Пальмов в том же году перебрался в родную Астрахань, а уже в июле 1919 г. был избран профессором по кафедре истории искусства и археологии только что образованного Астраханского государственного университета. Именно с этим поприщем был связан новый этап общения Н. Н. Пальмова с его учителем А. А. Дмитриевским, приглашенным в декабре 1918 г. в Астраханский университет профессором на кафедру церковной истории. И, хотя указанная кафедра по понятным причинам вскоре была упразднена, А. А. Дмитриевский продолжал преподавать в Астраханском университете другие исторические дисциплины, а также греческий язык вплоть до 1922 г.¹²

Но былой близости в отношениях учителя и ученика не возникло — более того, отношения в некоторые моменты обострились. Со стороны А. А. Дмитриевского это были свойственные ему научная прямота и бескомпромиссность. Так, при организации Н. Н. Пальмовым и его сотрудниками кабинета искусства и древностей А. А. Дмитриевский высказал особое мнение о необходимости придать этому кабинету истинно научный характер, то есть: во-первых, поместить в него памятники искусства и предметы, имеющие историко-культурное, а не лишь

¹⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 223. Л. 48 об. – 49.

¹¹ ИЖЗС КДА за 1913/14 уч. г. Киев, 1914. С. 705–707.

¹² Акишин С. Ю. Деятельность профессора Киевской духовной академии А. А. Дмитриевского в Астрахани (1919–1923 гг.) // ТКДА. 2014. № 20. С. 236–242.

этнографическое значение; во-вторых, положить в основу собирания систему, а не делать его «складом случайных и весьма часто даже не нужных ни для кого предметов»¹³. Возможно, в этих словах Н. Н. Пальмов услышал недоверие к собственной компетентности, что, в свою очередь, могло оживить старые переживания и обиды. Этим, возможно, объясняются его жесткие слова упрека к столпам дореволюционной науки: «Живо вспомнилась столь недавняя и, к счастью для нас всех навсегда сметенная русской революцией пора, когда генералы от науки, гордые не своими по большей части проблематическими научными заслугами, а более чинами, орденами и занимаемым высоким положением, втаптывали в грязь молодые, еще безызвестные силы, маленьких и скромных работников науки. Из которых многие при поддержке и помощи своих старших товарищей смогли бы с честью и пользой послужить истинному просвещению»¹⁴. Если в этих словах хотя бы отчасти был намек на А. А. Дмитриевского, — разумеется, это было совершенно несправедливо по отношению к великому труженику, преданно и жертвенно служившему церковной науке всю свою жизнь. Отношения так и не наладились, о чем свидетельствуют упоминания в письмах Алексея Афанасьевича к бывшему коллеге по КДА протоиерею Иоанну Королькову 1926 г.¹⁵ Дополнительной печалью великого учителя было то, что Пальмов оставил занятия любимой наукой, «совершенно окалмычился» и «печатает историю калмыцкого народа под девизом “пролетарии всех стран, соединяйтесь”»¹⁶. Но, конечно, не нам, потомкам выносить суд поколениям, пережившим лихие годы...

Постепенно поприще деятельности Н. Н. Пальмова расширилось: в сентябре 1919 г. он стал еще и профессором по кафедре истории искусств Астраханского института народного просвещения, в январе 1921 г. ему было поручено общее руководство Историко-этнографическим музеем и Архивом калмыцкого народа. С административными изменениями последнего менялись и названия должностей профессора Пальмова, порой к ним добавлялись и некоторые занятия в советских учебных и научных заведениях, возникавших и действовавших недолго.

¹³ Цит. по: Акишин С. Ю. Деятельность профессора... С. 239.

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 261.

¹⁵ ИР НБУВ. Ф. 162 (Иван Николаевич Корольков). Ед. хр. 410. Л. 15; Ед. хр. 11. Л. 19 об.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 11. Л. 19 об.

Так, в 1920-х гг. он преподавал в художественных мастерских и в Астраханском педагогическом техникуме, состоял научным работником при кафедре калмыковедения Нижне-Волжского коммунистического университета им. Ленина в Саратове¹⁷. Но суть послереволюционной деятельности Н. Н. Пальмова сохранялась: он являлся одной из ключевых фигур в изучении истории и этнографии калмыков. Н. Н. Пальмов так и не завел семьи, живя вместе с отцом, протоиереем Николаем. По крайней мере, весной 1926 г. они жили на Паробичевом бугре близ Тихвинской церкви: по словам А. А. Дмитриевского, «протоиерей краснолиц и бодр, как майский огурчик», «сын... выглядит сморчком и седым старцем»¹⁸.

Однако дореволюционное прошлое хотя и не погубило его, как многих соратников прошлых лет, все же сказывалось на судьбе и карьере Пальмова: его не повышали и не награждали, он жил и столовался у чужих людей, так как «его домашний очаг был разорен», бился с постоянным безденежьем¹⁹. В своей деятельности Н. Н. Пальмов был вынужден действовать в согласии с камертоном, заданным богоборческой властью, и соглашаться с тем, что собранные им материалы и проделанная работа способствуют составлению полноценной истории калмыков «на основе марксистско-ленинской методологии»²⁰. Но все же он оставался христианином не только в своем терпении посылаемых испытаний, но и в своей принципиальной аполитичности: «он не был и не стремился быть марксистом», а старался реализовывать в своих трудах и всей деятельности «преданное служение богословским заповедям»²¹. Скончался Н. Н. Пальмов 11 февраля 1934 г.

Если говорить о литературном наследии Н. Н. Пальмова, то к литургике и церковной археологии, кроме упомянутой выше магистерской диссертации, относятся комплекс научных статей и несколько рецензий на студенческие диссертации²² — времени до революции было отпущено

¹⁷ КУ РК. Ф. Р-71. Д. 77. Л. 61. Архивная справка о деятельности Н. Н. Пальмова.

¹⁸ ИР НБУВ. Ф. 162. Ед. хр. 11. Л. 19 об.

¹⁹ Бурчинова Л. С. Слово об авторе // Н. Н. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. С. 9.

²⁰ КУ РК. Ф. Р-71. Д. 77. Л. 60. Отзыв о деятельности профессора Николая Николаевича Пальмова.

²¹ Бурчинова Л. С. Слово об авторе... С. 12.

²² [Рец. на:] Прот. М. И. Орлов. Литургия Св. Василия Великого. Вводные сведения. I. Греческий и славянский тексты; II. Заамвонные молитвы; III. Особенности литургии

но ему немного. Ну и, конечно, наследие включает позднейшие труды по истории калмыцкого народа, подробно изучаемые его преемниками в этой области²³.

* * *

В публикацию включены 26 писем Н. Н. Пальмова к А. А. Дмитриевскому: два первых относятся к 1897 и 1900 г., основная же часть охватывает период с 1909 по 1914 гг. Эта подборка дополнена двумя письмами А. А. Дмитриевского к Н. Н. Пальмову, датируемыми 1914 г., а также двумя письмами Н. Н. Пальмова 1912–1913 гг. к супруге своего учителя А. И. Дмитриевской. После 1914 г. отношения ученика с его бывшим учителем, видимо, разорвались и даже после революции не наладились, были «натянутыми». Возможно, Н. Н. Пальмова задела критика А. А. Дмитриевским его магистерской диссертации, хотя, как видно по публикуемому ниже письму Алексея Афанасьевича, критика была вполне рабочей и доброжелательной.

Конечно, сохранились не все письма, их связывавшие. Прежде всего, к сожалению, видимо, утрачена большая часть писем А. А. Дмитриевского к ученику: они должны были бы быть в архиве Н. Н. Пальмова, но там их не обнаружено, а два публикуемых письма сохранились случайно, так как автор писал их на машинке и оставил себе второй экземпляр. Можно предположить, что уцелели и не все письма Н. Н. Пальмова к учителю и его супруге: скорее всего, жаждущий советов ученик обращался за ними до 1907 г. не дважды, а гораздо чаще. Довольно близкие отношения связывали Н. Н. Пальмова и с супругой учителя Анастасией Ивановной, чему содействовали родственные связи, так что и этих писем было, конечно же, гораздо больше. В публикуемых письмах есть прямые указания на письма и открытки, на настоящий момент не обретенные. Однако и сохранившиеся письма представляют немалый интерес.

св. Иоанна Златоуста // ТКДА. 1909. Т. III. № 5. С. 136–144; [Рец. на:] А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства. М., 1910 // ТКДА. 1910. Т. III. № 5. С. 403–409; Отзыв о сочинении Н. Н. Пальмова «Пострижение в монашество. Чины пострижения в монашество в Греческой Церкви. Историко-археологическое исследование» // ИЖС КДА за 1915/16 уч. г. Киев, 1916. С. 119–135.

²³ Бурчинова Л. С. Слово об авторе... С. 12–25.

В годы, к которым принадлежит основной блок публикуемых писем — 1907–1914 гг. — как указано выше, Н. Н. Пальмов преподавал в Киеве: в духовной семинарии, а с 1912 г. — в академии. А. А. Дмитриевский же, покинув академию, пребывал в Петербурге в должности секретаря Совета Императорского православного Палестинского общества.

В этих письмах затрагиваются три основных темы, пересекающиеся между собой. Первая и самая главная — литургическая. Связана она прежде всего с исследованиями Н. Н. Пальмова — как с написанием магистерской диссертации, так и дополнительными трудами: составлением первых — пробных — лекций, разысканиями и находками в архивах и библиотеках, выявлением неизвестных или недостаточно изученных церковных древностей. Одна из таких находок — омофор загадочного происхождения, к верной идентификации которого Н. Н. Пальмов даже привлек студентов КДА — грузин и сирийца. Но главная нить, конечно, — магистерское исследование молодого ученого, его поиски и находки, удачи и разочарования. Н. Н. Пальмов очень неровно оценивал собственные научные успехи: от восторга от научных открытий или удачно прочитанных лекций до горького разочарования в своих силах или восприятии его талантов и достижений окружавшим сообществом. Но все же творческий процесс, связующий ученика с его учителем, — по крайней мере, на этапе сохранившейся переписки, перебарывает эти душевные терзания.

Вторая тема писем — события и обстановка в КДА и в высшей духовной школе в целом в очень непростой и тревожный период ее истории — меж двух революций. Жизнь КДА в письмах неразрывно связана, с одной стороны, с общими проблемами духовной школы тех лет, с другой, с церковной жизнью Киева. Так, А. А. Дмитриевский в письме, предположительно датированном 10 мая 1914 г. (№ 27), пишет о своем участии в комиссии по церковным делам при Государственной Думе, обсуждавшей проблему окладов профессоров и служащих в духовных академиях — одна из крайне болезненных тем духовно-учебной жизни начала XX в. Н. Н. Пальмов видит проблемы духовной школы прежде всего через призму своего в них участия — приглашение его на открывшуюся кафедру, чтение пробных лекций, непростое избрание в условиях конкуренции, доработку магистерской диссертации. Так, очень болезненно он переживает упомянутое выше противостояние с конкурентом на кафедру — выпускником КДА 1905 г. В. И. Барвинком, хотя и не за-

нимавшимся непосредственно церковной археологией, но защитившим в 1911 г. магистерскую диссертацию по истории Византии²⁴ и потому имевшим определенные преимущества. Вхождение в профессорскую корпорацию КДА было связано с составлением и чтением пробных лекций — непростым испытанием для всякого молодого преподавателя, но особенно для тех, кто должен был преемствовать своему блестящему учителю и чувствовать себя «карликом» в сравнении с его учеными и педагогическими талантами и достижениями²⁵. В этом испытании также проявился непростой характер Н. Н. Пальмова, с его колебаниями от восторгов до разочарований. Кроме того в киевском церковном контексте Н. Н. Пальмов имел в те годы еще один личный интерес — желание включить в него своего отца протоиерея Николая, уже давно овдовевшего и намеревавшегося принять монашеский постриг. Но и эта призма личной заинтересованности Н. Н. Пальмова не может заслонить общих проблем духовно-учебной и церковной жизни «межреволюционного» периода: общее беспокойство, демократизацию церковной жизни, ломавшую привычные устои и вносившую множество нестроений, и необходимость в этих нестабильных условиях продолжать стабильный учебный процесс и решать насущные церковные вопросы.

Третья тема писем Н. Н. Пальмова — жизнь Астраханской епархии, откуда были родом автор и адресат писем. И А. А. Дмитриевский, и Н. Н. Пальмов еще с семинарских лет с большим интересом и даже трепетом относились к истории своей малой родины, старательно ее изучали и публиковали результаты исследований в виде научных или памятных статей. Особое внимание оба ученых обращали на служение астраханских архиереев, а также, что вполне понятно, на церковные древности родного края²⁶ — об этом идет речь и в публикуемых письмах.

---

²⁴ Барвинок В. И. Никифор Влеммид и его богословские сочинения. Киев, 1909.

²⁵ Например, переживания другого преемника А. А. Дмитриевского по кафедре — священника Василия Прилуцкого (см.: «Союзом боязни связуем...» (Письма протоиерея Василия Прилуцкого к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / *публ., вступ. ст. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. № 1 (9). С. 135–137).

²⁶ Дмитриевский А. А. «Незабудки» на могилу архиепископа Астраханского Павла Сувботовского (1825–1832 гг.) с его родины // АЕВ. 1894. № 5. С. 157–161; *Он же*. По поводу издания в свет нескольких трактатов и писем архиепископа Никифора Феотоки // Там же. 1895. № 8. С. 235–244; *Он же*. К вопросу о проповеднических трудах Никифора Фео-

* * *

Публикуемые письма содержатся в архиве А. А. Дмитриевского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 253) в трех единицах хранения. Всего сохранилось 26 писем Н. Н. Пальмова к А. А. Дмитриевскому 1897–1914 гг. общим объемом 64 рукописных листа (ед. хр. 568); 2 письма А. А. Дмитриевского к Н. Н. Пальмову 1914 г. общим объемом 4 машинописных листа (ед. хр. 924); 2 письма Н. Н. Пальмова к А. И. Дмитриевской 1912–1913 гг. (ед. хр. 770).

Все письма Н. Н. Пальмова — подлинники, автографы. Датированы все письма, кроме одного письма к А. А. Дмитриевскому и одного примечания, но время написания последних удалось определить, исходя из содержания некоторых моментов в датировке писем и их установленном порядке.

1. Письмо № 20 (л. 62–63 об.) Н. Н. Пальмова к А. А. Дмитриевскому не имеет датировки, но содержание — назначение на Астраханскую кафедру преосвященного Феофана [(Быстрова)], с одной стороны, выход одной из частей исследования Н. Н. Глубоковского, посвященного преосвященному Смарагду [(Крыжановскому)], с другой, — позволили датировать его 1912 г. (число и месяц указаны в самом письме). Поэтому это письмо помещено на свое место, между письмами № 19 (от 15 мая 1912 г.; л. 42–43 об.) и № 21 (от 2 августа 1912 г.; л. 44–46 об.).

2. Приписка к неизвестному письму (л. 64–64 об.), исходя из содержания — проходящая в Петербурге выставка древнерусского искусства, посвященная 300-летию Дома Романовых и открывшаяся в феврале 1913 г., была отнесена к письму № 23 (от 7 июня 1913 г.; л. 51–52).

В публикации письма расположены в трех соответствующих отделениях (по единицам хранения), внутри них — в установленной хронологической последовательности, а не в том порядке, в котором они хранятся в ОР РНБ.

Во вступительной статье и примечаниях к письмам используются принятые сокращения названий духовных школ: СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия, МДА — Московская духовная академия, КДА — Киевская духовная академия, КазДА — Казанская ду-

---

токи, в бытность его архиепископом Астраханским и Ставропольским (поправки и дополнения) // Там же. 1895. № 14. С. 365–378; *Он же*. К «Ключаревской летописи» дополнения: (Материалы для истории Астраханской епархии) // Там же. 1899. № 1. С. 26–36; и др.

ховная академия; ДС — духовная семинария; ДУ — духовное училище; ЕЖУ — епархиальное женское училище.

Для составления вступительной статьи и комментариев были использованы материалы Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 253 (А. А. Дмитриевский) и Ф. 194 (Н. Н. Глубоковский)) и Казенного учреждения Республики Калмыкия (КУ РК. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 77), а также литература и опубликованные источники: *Бурчинова Л. С.* Ученый, педагог, человек. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1978; *Она же.* Слово об авторе // Н. Н. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. С. 5–25; *Сове Б. И.* Русский Гоар и его школа // Богословские труды. 1968. Сб. 4. С. 39–84; *Герд Л. А., Акишин С. Ю.* Дмитриевский Алексей Афанасьевич // Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 429–438; *Сухова Н. Ю.* Богословское образование в России в начале XX в. (на примере Киевской духовной академии) // Труды Киевской духовной академии. № 15. Киев, 2011. С. 141–155; «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) / *вступ. ст., публ. и прим. Н. Ю. Суховой* // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 75–107; 6 (55). С. 87–110; «Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир...» (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / *публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой* // ТКДА. Киев, 2014. № 20. С. 188–232; Извлечения из журналов заседаний Совета КДА (ИЖС КДА) за 1869–1914 гг.; памятные статьи и некрологи из Астраханских епархиальных ведомостей за 1880–1910-е гг.; статьи из Электронной базы ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor).

Автор публикации выражает глубокую благодарность С. Ю. Акишину, предоставившему часть архивных материалов из КУ РК «НА», использованных при составлении вступительной статьи.

Вступительная статья, публикация и примечания Н. Ю. Суховой

1. ПИСЬМА Н. Н. ПАЛЬМОВА К А. А. ДМИТРИЕВСКОМУ

ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 568

№ 1 от 3 декабря 1897 г. Санкт-Петербург

Неутомимейший Алексей Афанасьевич!

л. 1

Простите, что замедлил со своим ответом на ваше письмо и просьбу. С удовольствием всегда готов исполнить то, что могу. Но, живя среди суеты петербургской жизни, вовлекающей иногда в свой водоворот и меня (как члена одного благотворительного общества), не всегда имею возможность аккуратно исполнять даже такие поручения, как, напр[имер], Ваше и др. Поэтому еще раз прошу, не гневайтесь на меня, ибо я с удовольствием исполняю Ваше поручение, конечно, насколько могу и как могу. Прежде всего, посылаю Вам (в Ваше распоряжение) копию извлечений, сделанных || мною из грамоты Неофита (5'), хранящейся в архи- л. 1 об. ве Патмосского монастыря под № 95. Посылаю Вам копию в том самом виде, в каком мне удалось внести ее в дневник своих научных занятий на о. Патмосе.

Что касается другой Вашей просьбы, то считаю долгом сообщить Вам, что кроме «перечня дидаскалов» у меня нет каких-либо о них подробностей биографического свойства. Во всяком случае, в имеющихся у меня сведениях по данному вопросу Вы, вероятно, не можете нуждаться — в особенности после того, как Вы написали обо всем этом в обстоятельном трактате¹.

Желаю Вам успеха соответственно Вашей неутомимости. При этом справедливо упрекаю самого себя за то, что, располагая массой драгоценной материи, я не имею ни литературной возможности, ни времени (вследствие упомянутой петербургской суеты) печатать || то, л. 2 что во всяком случае было бы не излишне и для науки. Но я искренно радуюсь Вашим успешным научным дебютам, притом в такой области, которая, к сожалению, считает за собою так мало работников. Поэтому пользуйтесь, дорогой, посылаемым «крупницам» из моего портфеля во

¹ Видимо, имеется в виду работа: Дмитриевский А. А. Патмосские очерки: Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. Киев, 1894; в «отчете» приводится описание рукописей типикарицы Иоанно-Богословского монастыря на о. Патмос (с. 223–243).

благо науки, если только недостойность моего труда может иметь в этом отношении какое-либо значение.

С искренним уважением к Вам, остаюсь, всегда готовый к услугам Вам Н. Пальмов.

Новый наш о. ректор уже вступил в отправление своих обязанностей и на первых порах произвел — кажется, — весьма благоприятное впечатление². Дай Бог, чтобы и впредь он оставался таким, каким мы видели его при первом знакомстве.

Прошу передать мой поклон И. И. Малышевскому³, В. З. Завитневичу⁴, В. Н. Малинину⁵, Т. Д. Флоринскому⁶, если увидите, и др.

Вам кланяется о. Феофил, с которым я недавно познакомился⁷.

---

² Мефодий (Великанов Михаил Матвеевич; 1852–1914), архимандрит — выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1879) и СПбДА (1895); на 1-м курсе академии пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха, с 3-го курса исполнял обязанности духовника Санкт-Петербургской ДС, в 1897 г. был назначен ее ректором. В дальнейшем был синодальным ризничим (1899), настоятелем Белевского Спасо-Преображенского (1901) и Алатырского Троицкого монастырей (1902). С 1909 г. епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии, с 1913 г. на покое.

³ Малышевский Иван Игнатъевич (1828–1897) — выпускник КДА (1853), магистр богословия, с 1873 г. доктор богословия; с 1853 г. бакалавр, с 1861 г. экстраординарный, с 1862 г. ординарный профессор по кафедре русской церковной истории.

⁴ Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927) — выпускник СПбДА (1879), с 1883 г. магистр богословия, с 1902 г. доктор церковной истории; с 1884 г. доцент КДА по кафедре русской гражданской истории, с 1904 г. ординарный профессор, с 1910 г. за штатом.

⁵ Малинин Василий Николаевич (1849–1927) — выпускник КДА (1873), с 1878 г. магистр богословия, с 1901 г. доктор русской словесности; ординарный профессор КДА по кафедре русского и церковнославянского языка, с 1910 г. на пенсии.

⁶ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) — выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1876), доктор славянской филологии (1888); ординарный профессор Киевского университета. С членами корпорации КДА тесно общался в рамках общества Нестора Летописца при Киевском университете; в дальнейшем состоял членом Церковно-исторического и археологического общества при КДА (1904).

⁷ Кардасевич Феофил Николаевич (1842–1914), протоиерей — выпускник СПбДА (1869), по окончании курса определен диаконом к штутгартской церкви; с 1877 г. настоятель надгробной церкви в Иреме (Венгрия); с 1888 г. протоиерей.

№ 2 от 28 января 1900 г. Псков

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 3

Ныне я получил Ваше отрадное для меня письмо и ныне же спешу послать Вам ответ на Ваше заманчивое предложение «попытать счастья» в соискании кафедры Св. Писания в Киевской семинарии.

Нет, на сей раз не хочу «пытать» своего счастья! Недавняя попытка попасть в Киев, окончившаяся так неудачно, отбивает у меня охоту снова начинать подобное же «дело» с его разными прошениями да жалобными письмами. Я вспоминаю, как тяжело было переносить неудачу, как больно было || принимать злорадные намеки и ядовитые шпильки со стороны некоторых своих сослуживцев, когда в Правление пришла из комитета бумага об отказе. Вспоминаю это и не отваживаюсь снова начинать рискованного дела...

л. 3 об.

Ведь надежд на успех — нет никаких. Рекомендовать меня из людей, власть имущих, на эту кафедру никто не будет, ибо нет к тому оснований: никакими подвигами по Св. Писанию в академии я себя не заявил, даже, напротив, — всем известны мои грехи и беззакония в этом отношении. Без сильного же ходатайства в Учебном комитете сделать решительно ничего невозможно. Это я знаю хорошо.

Разумеется, не могу я и сам за себя просить. Что я напишу в мотивировку своей просьбы? Одно разве только «горячее желание» перейти в Киев?.. Да ведь этого || недостаточно, скажут, чтобы проситься тебе на Св. Писание. И придется отъйти посрамлену!.. Когда я просился на литургику в Киев, то у меня были кое-какие аргументы, но и эти аргументы не возымели никакой силы; тем более, значит, в данном случае можно заблаговременно предрекать самому себе полнейший отказ...

л. 4

Вообще, из горького опыта я убедился, что до тех пор, пока не подано сочинение и не одобрено⁸, нельзя ни просить себе чего-нибудь хорошего, ни даже заявлять как-нибудь о себе, а нужно только «смиряться и смиряться», как говорит заиконоспасский архимандрит о. Игнатий⁹. О сем довольно.

⁸ Имеется в виду магистерская диссертация, которую Н. Н. Пальмов писал после окончания академии.

⁹ Игнатий (Иваницкий Иерофей Яковлевич), архимандрит — выпускник Волынской ДС (1885) и МДА (1889), кандидат богословия; насельник Киево-Печерской Лавры, инспектор Холмской ДС (1893), настоятель Московского Заиконоспасского монастыря

Проездом из Москвы в Псков был я в Петербурге у И. С. Пальмова¹⁰ и передал ему от Вас поклон. Не прогневайтесь за последнее на меня, тем более, что И[вану] С[авви]чу это доставило большое, видимо, л. 4 об. удовольствие. Он || подробно расспрашивал о Вас, и, вероятно, Вам напишет. Беседовать с Саввичем истинное удовольствие. Человек до такой степени проникся христианством, что воистину всея вмняет уметы быти ради Христа¹¹... И какая проникает его любовь к людям и снисхождение к падшему!.. Человек обо всех болеет душой и печалует, всем желает добра и устраивает его, а себе — ничего не желает и от всего отказывается, ожидая одной только небесной награды...

Однако я заболтался. Нужно еще отделять свою проповедь на 30 янв[аря] (храмовый праздник в семинарии¹²), чтобы завтра отнести ее к архиерею. Мы — под законом, и свободного слова произносить нам не позволяют.

Покорнейше благодарю Вашу супругу за ее любвеобильный привет. Я желаю всегда Вам одного только доброго и ныне еще раз повторяю свое сердечное пожелание.

Укрепляйтесь здоровьем и не особенно погружайтесь в науку: на свой паек Вы преизобильно уже потрудились, дай Бог всякому так работать, как Вы работали!...

Поблагодарите С. Т. Голубева и М. Ф. Ястребова за поклоны. Низко им кланяюсь. Ваш Николай Пальмов.

№ 3 от 17 июля 1907 г. (без начала)

л. 5 Что, быть может, Вы найдете в нем что-нибудь для себя интересное — особенно это думаю о безграмотном снимке, — но удерживался немощами, от которых после поездки из Киева, изрядно утомившей и — что очень удивительно — обессилившей меня, до настоящего времени не (1898–1903), в дальнейшем настоятель Петропавловской пустыни (1903–1910).

¹⁰ Пальмов Иван Саввич (1855–1920) — выпускник СПбДА (1880), магистр богословия (1881); доктор церковной истории (1904); профессор кафедры истории славянских Церквей СПбДА (1885–1918).

¹¹ Аллюзия на текст из Послания апостола Павла: «Но убо вмъняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Иисуса Господа моего, егоже ради всѣхъ отщетиhsя, и вмъняю вся уметы быти, да Христа приобрящу» (Фил 3. 8).

¹² 30 января ст. ст. (12 февраля н. ст.) — память трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста — престольный праздник храма Псковской ДС.

могу как следует поправиться. Главная беда — отсутствие свежего и чистого воздуха; дышать нечем. ||

Но, Бог даст, в Киеве приду в норму. Выехать туда я должен 10 августа, потому что с 16 августа начнутся экзамены нашим шалунам семинаристам.

Вероятно, и Вы не умедлите приездом в Киев, чтобы по академии исполнить все формальности и дела в последний год службы?

Желаю Вам доброго здоровья и всего хорошего.

Ваш Н. Пальмов.

От папы Вам поклон¹³.

№ 4 от 12 октября 1909 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 6

Как Ваше здоровье? Весть, которую Анастасия Ивановна привезла от Вас, привела в смущение всех Ваших друзей и почитателей. Но слава Богу, что дело обошлось сравнительно благополучно, и надо только пожелать, чтобы скорее возвратились к Вам силы!

Многие ожидали Вас в Киев на похороны Ив[ана] Ив[анови]ча¹⁴. Но мысль Ваша об отпевании в Рел[игиозном] о[бщест]ве осуществилась, благодаря стечению благоприятных обстоятельств: о. Климент Чемена¹⁵ не протестовал, а Н. С. Гроссу с полной готовностью взялся за исполнение идеи¹⁶. Похороны совершились замечательно — чинно и

¹³ Пальмов Николай Гаврилович, протоиерей (1845 — † после 1926 г.) — выпускник Астраханской ДС (1865) и КДА (1869), кандидат богословия, помощник инспектора Пермской ДС (1869), преподаватель Черниговской ДС (1870); священник астраханского кафедрального Успенского собора (1871–1884), с 1884 г. настоятель Благовещенской церкви одноименного женского монастыря, с 1895 г. протоиерей, преподаватель (1872), инспектор и законоучитель (1876–1884) Астраханского ЕЖУ, законоучитель астраханских Мариинской женской (1872–1897) и классической мужской (1884–1897) гимназий, председатель Совета Астраханского ЕЖУ (1897); отец Н. Н. Пальмова.

¹⁴ Никонов Иван Иванович — тесть А. А. Дмитриевского.

¹⁵ Чемена Климент Антонович (1867–?), протоиерей — выпускник КДА (1889), магистр богословия (1896); настоятель киевской Сретенской церкви, преподаватель Киево-Софийского училища.

¹⁶ Гроссу Николай Стефанович (1867 — после 1942), протоиерей — выпускник КДА (1893), магистр богословия (1908); профессор КДА по кафедре гомилетики и истории проповедничества; служил в храме святителя Иоанна Златоуста Киевского религиозно-просветительского общества; после его закрытия — во Владимирском соборе, за-

л. 6 об. благообразно. Это было вчера. || Накануне, в субботу, к вечеру вынесли тело в церковь Р[елигиозного] о[бщест]ва, и тело простояло в церкви ночь. Обедню служил Н[иколай] Ст[епанович] вместе с о. Игнатием¹⁷, а к отпеванию подошел о. Климент Чемена. Так что составился собор иереев... Почтить память покойного молитвой пришли все университетские друзья, В. Ф. Певн[ицкий] с дочерьми, Богдашевский, и др. Дамы шли до могилы за гробом. Богдаш[евский] предоставил в распоряжение родных инспекторский экипаж.

Могилу выбрали на Аскольд[овом] кладбище в очень хорошем месте, на 4-й террасе, с чудным видом на Днепр. Ездили выбирать трое: Соколова, Нина Ив[ановна]¹⁸ и я. С[офья] Я[ковлевна] принимала самое горячее участие в похоронах. Она и отходную читала, и обряжала почившего, и цветами украшала, и плачущих утешала. Нельзя не признать, что это — замечательная женщина!

Приехали (в пятницу) Анна Ив[ановна] с Марусей и Вася — в самый день погребения, прямо в церковь. Друг друга утешая, дамы на л. 7 чинают успокаиваться || теперь. Но пока тело было в доме, а затем — в церкви, сильно плакали! Но Софья Як[овлевна] и Ольга Ив[ановна] Эйдельман заготовили медиц[инские] средства, которыми в значительной степени парализовалась чувствительность нервов, так что до истерики ни одна из дам, слава Богу, не дошла. (Кроме, впрочем, Юлии Ефимовны. Но к ней медицинские средства не прилагали до момента истерики и стали пользоваться ими уже после.) Да и общая сочувственная обстановка, созданная друзьями, немало влияла на успокоение.

Родные и друзья все сделали, что можно было сделать для Ив[ана] И[ванови]ча и при жизни, и при смерти. Остается пожелать ему Царства Небесного, а нам — живым — доброго здоровья.

Возвратимся же к действительной жизни. Прежде всего, я должен поблагодарить Вас за участие, которое Вы, как оказывается, готовы были проявить к моему родителю, если бы я предупредил Вас о возможности пристроить папу в Лавру. Но я потому не предупредил Вас, что 1) не был твердо убежден, что папа согласится пойти в Лавру, а 2) и

тем Георгиевской церкви (1925), малом Софийском соборе (1926). В 1927, 1931, 1938 гг. подвергался арестам. Возможно, в 1943 г. уехал с семьей в Молдавию.

¹⁷ Архимандрит Игнатий (Иваницкий) — см. выше.

¹⁸ Никонова Нина Ивановна — сестра Анастасии Ивановны.

поздно хватился за мысль. Когда о. Антоний подал прошение об отставке¹⁹, митр[ополит] тут же || назвал преемника²⁰, который был сплавлен л. 7 об. Волынским архиепископом нашему митрополиту.

Но теперь можно (и должно) действовать смелее, п[отому] ч[то] на днях папа писал преосв[ященному] Павлу Григорьевичу²¹ о желании переехать в Киев и готовность принять монашество.

В скором времени откроется, говорят, место в Выдуб[ицком] м[онасты]ре. И вот на это-то место я и прошу Вас теперь рекомендовать митрополиту папу. О. Антоний (лаврский) со своей стороны тоже довольно говорит о папе митрополиту, когда этот последний пришел к нему наконец. Думаю, что и преосв[ященный] Павел не откажется сказать доброе слово. Равно и Златоверховников, буде его спросит митрополит²².

¹⁹ Антоний (Петрушевский Киприан Гervasиевич; 1828–1912), архимандрит — выпускник Киевской ДС (1850); по окончании семинарии был священником в церкви в г. Екатеринополе на Звенигородщине; в 1871 г. перешел в Литовскую епархию, служил в Вильно, Гродно, Ровно, с 1878 г. в сане протоиерея; в 1881 г. перешел в Астраханскую епархию; с 1889 г. перешел в Киев, был экономом Киево-Софийского митрополичьего дома, в 1896 г. был пострижен в монашество и назначен заместником Киево-Печерской лавры, с 1909 г. на покое; погребен на монашеском кладбище Дальних пещер.

²⁰ Амвросий (Булгаков Алексей; 1845–1920), архимандрит — выпускник Курского ДУ; в 1864 г. был пострижен в монашество в Глинской Рождества Богородицы пустыни, в 1875 г. стал иеродиаконем, с 1879 г. экономом архиерейского дома; с 1883 г. был управляющим Михайловского Архангельского Черемисского монастыря, с 1884 г. его игуменом, с 1892 г. архимандрит; с 1897 г. служил в Волынской епархии, был заместником Почаевской лавры и настоятелем Дубенского Крестовоздвиженского монастыря; с 1909 г. — заместником Киево-Печерской лавры, с 1917 г. на покое из-за болезни глаз; погребен на монашеском кладбище Дальних пещер.

²¹ Павел (Преображенский Павел Григорьевич (1843–1911), епископ — выпускник КДА (1869), помощник инспектора (1870) и преподаватель (1872) Киевской ДС; в 1883 г. принял священный сан, служил в Киево-Подольской церкви св. Николая Доброго, с 1888 г. в сане протоиерея, с 1900 г. был кафедральным протоиереем Киево-Софийского собора. 20 октября 1908 г. пострижен в монашество с тем же именем, возведен в сан архимандрита и назначен управляющим Киевского Златоверхого Михайловского монастыря с правами настоятеля; 26 октября 1908 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, первого викария Киевской епархии.

²² Златоверховников Михаил Данилович (1842–1929), протоиерей — выпускник КДА (1869), магистр богословия; в 1870 г. принял священный сан, служил законоучителем в киевских гимназиях, с 1884 г. в сане протоиерея; с 1908 г. был кафедральным протоиереем Киево-Софийского собора, после передачи его самосвятам в 1920 г. служил в малом Софийском соборе.

Но убедительней других, не сомневаюсь, скажете Вы. И об этом еще раз прошу — с усердием — я Вас.

Буде Георгиевский не поехал еще в Астрахань²³, внушите ему мысль сделать визит папе.

А за сим — пребывайте в благополучии и не оставляйте заботы о здоровье.

Доброхот Ваш присный, Н. Пальмов

№ 5 от 4 ноября 1909 г. Киев, Золотоворотская, д. 6.

л. 8

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Пишу Вам некоторые данные, которые Вам не мешает иметь в виду при действовании в пользу папы пред нашим или Вашим митрополитом.

Софийский митрополичий дом спешно ремонтируют для помещения в него викария-епископа, по счету — четвертого²⁴, до той поры, когда о. Евлогий освободит Выдуб[ицкий] м[онасты]рь. Будто бы викарий л. 8 об. четвертый появится в || Киеве к Рождеству.хлопотать о нем митрополит сам будет в Синоде, по своем приезде в С[анкт-]П[етер]б[ург].

Кто же будет четвертым викарием? — Настойчиво говорят, что митр[ополит] облюбовал себе Назария — лаврского еkkлесиарха, из воспитателей кадетского корпуса²⁵. Для обучения его епархиальным делам он посадил Назария в Консисторию.

Преосвященный Павел (Преображенский) и протоиерей Михаил Златоверховников были однокурсниками протоиерея Николая Пальмова-старшего по КДА.

²³ Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923) — выпускник Владимирской ДС (1881) и КДА (1885); был преподавателем Владимирского ЕЖУ, инспектором церковно-приходских школ в Киеве и Киевской губернии, в 1907–1917 гг. — членом Училищного совета при Святейшем Синоде, с 1912 г. — сверхштатным членом Учебного комитета при Синоде и старшим помощником наблюдателя церковно-приходских школ; неоднократно выезжал для проведения экзаменов в разные епархии, в том числе Астраханскую. В 1901–1914 гг. был уполномоченным по делам иконописных школ при Высочайше утвержденном Комитете попечительства о русской иконописи; активно занимался изучением церковно-археологической старины, участвовал в организации иконописных школ.

²⁴ Должность четвертого — Черкасского — викария Киевской митрополии была учреждена 30 декабря 1909 г.

²⁵ Назарий (Блинов Николай Михайлович; 1852–1932), архиепископ — выпускник Санкт-Петербургской 1-й классической гимназии (1871) и Константиновского военного училища (1875), после военной службы был воспитателем Нижегородского Аракчеевского корпуса (1884), уволен от военной службы в чине подполковника (1887); был

Так что проект провести папу в четвертого викария может провалиться, если митр[ополит] не отступится от намерения взять в помощники себе Назария. ||

А как достигнуть, чтобы митрополит отступил?! Я знаю, что о. Ан- л. 9
тоний, бывший наместник, ласкаемый ныне митрополитом после обид, нанесенных Антонию новым наместником Амвросием, уже однажды говорил владыке о папе, как кандидате в архиереи. Знаю, что и еще раз скажет Антоний митрополиту о папе пред скорым отъездом владыки в С[анкт-]П[етер]б[ург] и настроит пр[еосвященного] Павла в сторону папы; но кто же знает, что выйдет из стараний Антония и Павла, если митр[ополит] уже настроился в пользу Назария?

Будто бы будет вакантно скоро еще место в Никольском м[онасты] ре²⁶, с переводом || Иннокентия в епархию²⁷. Но и на его место преднаме- л. 9 об.
чен кандидат — Димитрий, смотритель Софийского училища²⁸.

принят в число братии Киево-Печерской лавры; рукоположен во иеродиакона (1892) и во иеромонаха (1893), архимандрит (1901), экклезиарх Киево-Печерской лавры (1903). С 1909 г. был сверхштатным членом Киевской духовной консистории; 31 января 1910 г. был хиротонисан во епископа Черкасского, викария Киевской митрополии. В 1919–1921 гг. был временно управляющим Киевской митрополией; в 1922–1923 гг. подвергался арестам и заключениям; в 1925 г. был назначен на Тобольскую кафедру в сане архиепископа, с 1928 г. проживал на покое в Московском Симоновом монастыре, в 1929 г. возвратился в Тобольск.

²⁶ Киево-Пустынно-Николаевский монастырь; основан в XV в. на Аскольдовой могиле, в конце XVII в. перенесен в урочище Долгую Ниву, на прежнем месте осталось монастырское кладбище с приписной церковью святителя Николая; монастырь уничтожен в советское время; Никольский храм на Аскольдовой могиле в 1992 г. передан Украинской Греко-Католической Церкви.

²⁷ Иннокентий (Ястребов Илья Иванович; 1867–1928), архиепископ — выпускник Астраханской ДС (1888) и КазДА (1892); магистр богословия (1898); доцент КазДА; в 1902 г. был пострижен в монашество и рукоположен в священный сан, с 1905 архимандрит; с 1906 г. епископ Каневский, викарий Киевской митрополии, с управлением Никольским монастырем; с 6 октября 1910 г. ректор КДА и управляющий на правах настоятеля Киево-Братским Благовещенским монастырем. В дальнейшем епископ Полоцкий и Витебский (1914), в 1915 г. уволен от управления епархией, управлял на правах настоятеля Московским Донским монастырем, с сентября 1917 г. снова епископ Полоцкий и Витебский, с 1920 г. в сане архиепископа; с 1926 г. архиепископ Ставропольский, с 1927 г. архиепископ Астраханский, но, не получив разрешения на въезд, управлял через викария.

²⁸ Димитрий (Вербицкий Максим Андреевич; 1869–1932), архиепископ — выпускник Полтавской ДС (1889), с 1890 г. священник; окончил КДА (1899), служил миссионером

Так что не лучше ли пристроить папу в С[анкт-]П[етер]б[ург] — сначала в архимандриты, а потом — в епископы? М[ожет] б[ыть], С[анкт-]П[етер]б[ург] нуждается в кандидатах архиерейства больше, чем Киев, имеющий на оба викариатства охотников?

Пр[еосвященному] Павлу чрез Златоверховникова я передал формуляр папы. Но что-то не верится, чтобы люди века сего стали близко принимать к сердцу интересы чужие.

За сим — будьте здоровы и благодушны, Ваш Н. Пальмов.

PS. Ваши все еще нервничают и не могут наплакаться!..

№ 6 от 23 мая 1911 г. Киев, Золотоворотская, д. 6.

л. 10 Дорогой Алексей Афанасьевич!

М. А. Лисицын порадовал меня своей книгой²⁹: прислал сегодня ее в подарок.

Книга производит впечатление даже при первом обозрении страниц ее, политых текстами и цитатами. Злой человек, все-таки! Ни одной моей статьи не процитировал, хотя они и могли бы быть ему полезны. Весьма, впрочем, возможно, что не знает ни одной из них. (Пишу это ||

л. 10 об. больше в шутливом тоне).

А вот в чем дело. Преосв[ященный] Кирион³⁰ недавно писал мне длинное письмо и в этом письме сообщил, между прочим, что к концу

в Кишиневской епархии, был смотрителем Единецкого (1901) и Киево-Софийского (1902) ДУ, с 1904 г. в сане архимандрита; 31 октября 1910 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии; с 1921 г. епископ Белоцерковский, с 1924 г. Уманский, с 1925 г. в сане архиепископа, с 1930 г. архиепископ Киевский.

²⁹ Лисицын Михаил Александрович (1872–1918), протоиерей — выпускник КДА (1897), однокурсник Н. Н. Пальмова; писал кандидатское сочинение у А. А. Дмитриевского; был законоучителем Пажеского Императорского корпуса; 11 июня 1911 г. защитил магистерскую диссертацию.

Речь идет об опубликованной магистерской диссертации протоиерея Михаила: *Лисицын М. А., прот.* Первоначальный славяно-русский Типикон (историко-археологическое исследование). СПб., 1911.

³⁰ Кирион III (Садзаглишвили Георгий Иеронимович; варианты фамилии: Садзегали, Садзегелли, Садзагелов; 1855–1918), архиепископ Мцхетский и Тбилисский, католикос-патриарх всея Грузии, священномученик — выпускник Тифлисской ДС (1876) и КДА (1880), кандидат богословия. Был помощником инспектора Одесской ДС (1880), помощником смотрителя Телавского ДУ (1883), Горийского ДУ (1885), преподавателем

года предполагает окончить 2-ой том «Культурной роли Иверии в истории Древней Руси»³¹. Содержание тома таково:

1. Источники русских агиографических памятников вообще.
2. Агиологические памятники, на основании которых Нестор составил жизнеописания преподобных Антония и Феодосия Печерских. ||
3. С какого языка переведен для Киево-Печерского монастыря л. 10 Студийский устав.
4. Паралипоменон к 1-му тому.

По поводу главы 3 я написал владыке, что он, кажется, стал на скользкий путь, и порекомендовал подождать выхода в свет книги Лисицына³². Владыка мне еще по сему пункту не ответил. Но из письма его вижу, что он большой знаток грузинской рукописной литературы. Кто знает, м[ожет] б[ыть], у него есть то, чем не владеет Кекелидзе³³, и

Кутаисского ДУ (1890), Тифлисского ДУ (1891). В 1896 г., овдовев, принял монашество, был настоятелем Квабтаховского Успенского монастыря, с 1898 г. в сане архимандрита. С 1898 г. епископ Алавердский, викарий Грузинской епархии. Сменил несколько кафедр в Русской Православной Церкви и в Грузинском Экзархате; в 1908 г. был уволен на покой, лишен сана в связи с обвинением в убийстве экзарха Никона (Софийского), в 1910 г. оправдан, но проживал на покое в монастырях: Куряжском (Харьковской епархии), Санаксарской пустыни (Тамбовской епархии), Свято-Владимирском Херсонесском (Таврической епархии). С 1915 г. вновь на епископском служении, но 1 августа 1917 г. уволен, согласно прошению. 17 сентября 1917 г. Собором самопровозглашенной Грузинской автокефальной Церкви был избран католикосом-патриархом всея Грузии; 10 июля 1918 г. убит; в 2002 г. канонизирован Священным Синодом Грузинской Православной Церкви как священномученик.

Много занимался церковной археологией и историей, писал книги и статьи; был председателем Комитета Тифлисского церковно-археологического музея, собрал много памятников древнейшей грузинской христианской культуры, рукописей; активизировал научно-археологическую деятельность.

³¹ Речь идет о сочинении преосвященного Кириона «Культурная роль Иверии в истории Руси» (Тифлис, 1910). Упомянутый 2-й том так, видимо, и не был издан.

³² См. прим. 52.

³³ Кекелидзе Корнелий Самсонович (1879–1962) — выпускник Тифлисской ДС (1900) и КДА (1904), писал кандидатскую диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского, магистр богословия (1908); в 1904 г. принял священный сан, с 1905 г. протоиерей; был инспектором Тифлисского ЕЖУ и настоятелем училищного храма, с 1916 г. ректором Тифлисской ДС. После революции преподавал в Тифлисском (с 1936 г. Тбилисском) университете, был деканом филологического факультета (1919–1925), проректором по учебно-научной части (1925–1930), директором Научно-исследовательского института им. Шота Руставели (1937–1949); с 1941 г. академик.

он документально осветит невиданным доселе светом первоначальную историю нашего Типикона? Как думаете? ||

л. 11 об. Писал Кирион от 10 мая.

Как изволите поживать? Мы мерзнем; ежедневно идет дождь (иногда — с градом), холодный. Богиня³⁴ негодует, что в Киеве редко стало появляться солнце: «Я ехала к солнцу, и нет его!»

Желаю Вам здравствования и благодушствования.

Ваш Н. Пальмов.

№ 7 от 2 июля 1911 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 12 Дорогой Алексей Афанасьевич!

М. А. Лисицын прислал мне приятное известие, что Вы взяли на себя труды просмотреть Διακονικά в греческих и некоторых славянских текстах Публичной библиотеки³⁵, дабы определить: кого или что следует разуметь под словом τῶν πάντων в конце третьего прошения в [еликой] ектении. Очень благодарен Вам и жду от Вас выписок, уповая преимущественно на Порфирьевский евхологий, в одном (или нескольких) чинах которого, наверное, найдется ектения в полном ее виде.

Лисицын, вероятно, Вам объяснил, что в Москве постигла меня большая неудача. Много я хотел сделать там и для σχῆμα μοναχικόν, и для л. 12 об. ответа г. Зайончковскому³⁶. Но Синодальная б[иблиотека] оказалась || закрыта, а Рум[янцевский] муз[ей] и Типогр[афская б[иблиотека] не могли удовлетворить меня в нужной степени. Евхол[огий] Рум[янцевского] м[уззея] X–XI в. № 474 содержит ектеньи в чине Вел[икого] водоосвящения: Ἐν εἰρήνῃ τοῦ Κ. δεηθῶμεν. Περὶ ἄνωθεν εἰρήνης. Ὑπὲρ τῶν εὐσεβεστάτων καὶ θεοφάλων βασιλέων (л. 40 об.); в чине на умовение: Ἐν εἰρήνῃ τοῦ Κ. δεηθῶμεν. Ὑπὲρ τῆς ἄνωθεν εἰρήνης καὶ τῆς τοῦ Θεοῦ φιλανθρωπίας τῶν ψυχῶν ἡμῶν. Ὑπὲρ τῆς ἁγίας τοῦ Θεοῦ καθολικῆς ἐκκλησίας τῆς ἀπὸ τῆς (τῶν?) περάτων καὶ ἕως περάτων αὐνῆς τοῦ Κ. δ. (л. 93). Как видите,

³⁴ Речь идет о супруге А. А. Дмитриевского Анастасии Ивановне, урожденной Никоновой.

³⁵ Διακονικά — «диако́нские [возглашения]», ектении.

³⁶ Зайончковский Николай Чеславович [псевдоним Николай Нахимов, по фамилии матери] (1859–1920) — выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1882), преподаватель древних языков в ряде гимназий, окружной инспектор Дерптского учебного округа (1892), попечитель Оренбургского учебного округа (1904), член Совета министра внутренних дел (1906), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1915); переводчик богослужебных текстов.

попользоваться приведенными буквальными выдержками для опровержения толкования г. З[айончковского] не приходится. В другом евхологии XIV–XV в. № 472 прошение ектеньи приводится сокращенно, обрываясь на том, что интересно. Именно: Ὑπὲρ τῆς εἰρήνης τοῦ σύμπαντος κόσμου, εὐσταθείας τῶν ἁγίων τοῦ Θεοῦ ἐκκλησιῶν — и только (л. 1 об.) Славянский служ[ебник] XIV в. № 40 Типогр[афской] б[иблиотеки] читает 3-е прошение в[еликой] ектеньи так: О мире всего мира и о благостоянии святых церквей и о совокуплении всех (л. 8 об. – 9). Служ[ебник] XIV–XV в. из той же б[иблиотеки] № 41: О мире всего мира и о благоустроении святых церквей и о совокуплении всех Господу помолимся (л. 4 об.) ||

Вот и все, что дала мне Москва: все и ничего! В Астрахани я про- л. 13
смотрел новозаветный текст и текст канонических правил. Эта работа сопровождалась добрыми результатами: она уверила меня, что пᾶς может быть употребляем не в одном среднем роде с членом — в значении существительного, но в значении существительного он может быть употребляем с членом и в муж[ском] роде. Так: Деян. 16: 33: Καὶ παραλαβὼν αὐτοὺς (темничный страж Павла и Силы, ст. 29) ἐν ἐκείνῃ τῇ ὥρᾳ τῆς νυκτὸς ἔλουσεν ἀπὸ τῶν πληγῶν, καὶ ἐβαπτίσθη αὐτὸς καὶ οἱ αὐτοῦ πάντες παραχρῆμα (подчеркнутые слова переведены в русском издании «Деяний» — по благословию Св. Синода: и все домашние его).

1 Коринф. 10: 17: «οἱ γὰρ πάντες ἐκ τοῦ ἑνὸς ἄρτου μετέχομεν» — «все бо от единого хлеба причащаемся».

2 Коринф. 5: 15: «εἰ εἷς ὑπὲρ πάντων ἀπέθανεν, ἄρα οἱ πάντες ἀπέθανον» — «яко аще един за всех умре, то убо вси умроша».

Ефес. 4: 13: «μέχρι καταστήσωμεν οἱ πάντες εἰς τὴν ἐνότητα τῆς πίστεως» — «дондеже достигнем вси в соединении веры».

1 Солун. 2: 21³⁷: «οἱ πάντες γὰρ τὰ ἑαυτῶν ζητοῦσιν, οὐ τὰ Χριστοῦ Ἰησοῦ» — «все бо своих си ищут, а не яже Христа Иисуса».

Тит. 3: 15: Ἀσπάζονται σε οἱ μετ' ἐμοῦ πάντες — «целуют тя со мною сущии вси».

Пожалуй, г. З[айончковский] возразит по поводу некоторых οἱ πάντες, || что при них легко подразумевается существительное, и потому л. 13 об.
оно опущено в некоторых из приводимых мною текстах. Но 2 Кор. 5: 5,

³⁷ Ошибочное указание: приведена цитата из Послания апостола Павла к Филиппийцам (Флп 2. 21).

1 Сол. 2: 21 и Тит. 3: 15 отличаются не большею определенностью, чем τῶν πάντων в 3-м прошении в[еликой] ектеньи.

Перехожу к тексту канонич[еских] правил. VI Всел[енского] пр. 1: «εἰ δέ τις τῶν ἀπάντων μὴ τὰ προειρημένα τῆς εὐσεβείας δόγματα κρατοῖ καὶ ἀσπάζοιτο... ἔστω ἀνάθεμα» — «аще бы кто-либо из всех не содержит и не приемлет вышереченных догматов благочестия ... тот да будет анафема». Того же Собора пр. 12: «φησὶ γὰρ ὁ Θεῖος Ἀπόστολος ... ἀπρόσκοποι γίνεσθε... καθὼς καὶ γὰρ πάντα πᾶσιν ἀρέσκω, μὴ ζητῶν τὸ ἑαυτοῦ συμφέρον, ἀλλὰ τὸ τῶν πολλῶν, ἵνα σωθῶσι» — «ибо глаголет божественный апостол: ...беспреткновенни бывайте ... яко же и аз во всяком всем угождаю, не иский своя пользы, но многих, да спасутся». Положим, τῶν πολλῶν не τῶν πάντων; но в грамматич[еском] отношении какая была бы разница, если бы τῶν πολλῶν заменить, в подобающем случае, τῶν πάντων? — Никакой... Того же собора пр. 69: «μὴ ἐξέστω τινὶ τῶν ἀπάντων ἐν λαϊκοῖς τελοῦντι, ἔνδον ἱεροῦ εἰσιέναι θυσιαστηρίου» — «никому из всех, принадлежащих к разряду мирян, да не будет позволено входить внутрь священного Алтаря». Здесь, конечно, под τῶν ἀπάντων должно разуметь λαϊκῶν; л. 14 но стоит τῶν ἀπάντων || так, что до λαϊκῶν мы доходим только рассуждением, мыслью! Тою же работою мысли мы можем дойти и до того, чтобы признать, что под τῶν πάντων в 3-м прошении в[еликой] ектеньи разуметь должно людей. — Антиох[ийского] пр. 19: «Καὶ εἰ μὲν ἀπαντοῖεν οἱ πάντες, βέλτιον» — «И аще соберутся все — лучше есть». Кто «все»? — впереди неопределенно сказано «тоя области сослужители», которых митрополит должен пригласить на поставление епископа. Епископы ли только, или — и пресвитеры, и диаконы, и клирики? Выражение «сослужители» неопределенное. Но если даже и при этой неопределенности в содержании слова «сослужители» может стоять οἱ πάντες, то кольми паче может стоять τῶν πάντων в 3-м прошении в[еликой] ектении, где всякий, подумав, поймет, о ком идет речь. Григория Неокесар[ийского] пр. 3: «τολμῆσαι τινας, τὸν καιρὸν τὸν τοῖς πᾶσιν ὄλεθρον φέροντα, νομίσαι ἑαυτοῖς καιρὸν εἶναι κέρδους» — «некие дерзнули сие время, всем угрожающее погибелию, почитать для себя временем корысти». В данном месте τοῖς πᾶσιν нe с чем впереди согласовать; это слово употреблено в широком смысле, относясь к тем, кто претерпел нашествие варваров и узнал его ужас. ||

л. 14 об. Можно заметить, что в текстах новозаветном и каноническом πᾶς с членом употребляется и тогда, когда впереди есть существительное

мужского рода, с которым его предоставляется читателю связать, и тогда, когда такого существительного налицо нет. Недаром в старых грамматиках греческого языка (например, о. Варлаама Ляшкевича 1829³⁸) говорится, что точных правил о постановке члена к существительным в тексте Св. Писания, а наипаче — Н[ового] Завета, указать нельзя. Да и греческие писатели (из неважных, впрочем) часто отступают от правил и впадают в вольности (р. 225). Может быть, г. З[айончковский], как воспитавший свой вкус на образцовых греческих писателях, и соблазняется, что τῶν πάντων родит[ельный] падеж мужского (а не среднего) рода, но для тех, кого Варлаам Ляшкевич в своей грамматике называет profani scriptores, τῶν πάντων мужского рода, как и οἱ πάντες, и τοῖς πάνσιν — вещь обыкновенная. ||

Греку-классику, пожалуй, не понравится и ὁ πονηρός, но для нас ὁ πονηρός — диавол, и ἀπὸ τοῦ πονηροῦ мы переводим «от лукавого», разумея не среднего рода слово «лукавое», т[о] е[сть], зло, от которого якобы образован родит[ельный] падеж, но слово мужского рода, взятое в родит[ельном] падеже. Лукавый = диавол. «Избавь нас от диавола», молимся мы в конце молитвы Господней.

Предлагаемое г. З[айончковским] толкование 3-го прошения в[еликой] ектении очень мудреное. На такую метафизику древнейшие христиане не были, думаю, способны. Они молились в простоте сердечной, и 3-е прошение представляет собою сплошное моление о конкретных, так сказать, материях: о мире во всем видимом мире, о благополучии церкви Божиих, о соединении в недрах Церкви всех людей. Горний мир помянули они во 2-м прошении, когда просили, чтобы оттуда снизошел на их души мир. Об этом же мире молитва и в 1-м прошении.

У г. З[айончковского] все опирается на слово всего (о мире всего мира). Но слово «всего», приставленное || к слову «мира», не обращает взора молящегося на небо, а только раскрывает глаза его шире, чем они обычно у него смотрят. Молящемуся внушается, что надо иметь в виду все лицо земли, когда он просит Бога послать мир на землю. Пусть будет безмятежие не только в нашей стране, но и по всей земле. Пусть будет всюду мир. Но опять-таки — на земле.

К слову κόσμος нередко присоединяется еще и πάς (выходит плеоназм³⁹, но примеров плеоназма сколько угодно в тексте Св. Писания и в

³⁸ Barlaamo (Lasczewski), mon. Grammatica Graeca, sive Institutionum linguae Graecae liber. Mosquae: Typ. Sanctissimae Synody, 1829.

³⁹ Плеоназм (от греч. «πλεονασμός» — «излишний») — накопление в речи слов, имею-

тексте богослуж[ебных] книг!) Недавно пели в похвалу ап. Петру и Павлу, что они «весь мир» учением своим просветили. Неужели и небо? И ангелов? Да вот как Карфаг[енский] собор в пр. 80 отзывается о донатистах: «μωρᾶ καρδίᾳ ἀντιτάσσονται τῇ εἰρήνῃ τῆς ἐκκλησίας, τῆς ἐν παντί τῷ κόσμῳ διακεχυμένης» — «безумным сердцем сопротивляются они миру Церкви, по всему миру распространенная». Ясно, что здесь «весь мир» не захватывает собою неба, как не захватывается небо и словами «всего мира» в 3-м прощении в[еликой] ектении.

Но как все вышеприведенное ни убедительно, г. З[айончковскому] подавай литургические тексты! М[ожет] б[ыть], в августе я снова буду в Москве, а пока поджидаю от Вас присылки.

Папа Вам кланяется. И я — тоже. Для богини (где она?) берегу описание в наших газетах, какое было столкновение у В. Гр. Георгиевского с Илиодором⁴⁰ на пароходе, когда они ехали по Волге.

Всего доброго.

Ваш Н. Пальмов.

№ 8 от 10 декабря 1911 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 16

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Извещаю Вас о нижеследующем. Лишь только среди «левых» академических наставников распространился слух о моей кандидатуре на кафедру ц[ерковной] археологии, ученые профессора взбеленились. Наметив на Вашу кафедру Е. П. Дьяковского⁴¹ и, через посредство бесцеремонного в обращении с серьезными и важными материями, но, по уверению «левых», компетентного в настоящем случае, М. Н. Скабаллановича⁴², пред-

---

щих то же значение и потому излишних.

⁴⁰ Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович), иеромонах — выпускник Донской ДС (1901) и СПбДА (1905); по окончании академии был преподавателем Ярославской ДС, но вследствие конфликта вынужден был перебраться в Волынскую епархию к архиепископу Антонию (Храповицкому); в 1908 г. Илиодор перебрался в Саратовскую епархию к своему покровителю епископу Гермогену (Долганеву). Впоследствии сложил с себя сан и уехал за границу.

⁴¹ Дьяковский (Диаковский) Евфимий Петрович — выпускник КДА (1899); писал кандидатскую диссертацию А. А. Дмитриевскому.

⁴² Полная нечестия речь которого на акте 26 окт[ября] во второй части не будет уже напечатана в дек[абрьской] книжке «Трудов», как предполагалось сначала. С готового

ставить блестящий отзыв об Е. П. Дьяковском, «левые» были уверены, что он, Дьяковский, пройдет в профессора без затруднения. Конкурентом Дьяковскому доселе являлся только Барвинок, но Ваш отрицательный отзыв о || Барвинке, как о недостойном претенденте на кафедру ц[ерковной] археологии, хорошо известен «левым», и этим вашим отзывом они превосходно могли бы воспользоваться для решения дела в пользу Дьяковского даже в том разе, если бы за Барвинка подавал голос С. Т. Голубев, расположенный, как слышно, к Барвинку и склонный поддерживать его кандидатуру. Главным образом, кажется, под влиянием настойчивых просительных писем Барвинка — и к нему, Голубеву, и к другим.

Таким образом, если Вам угодно склониться на мою сторону, что я допускаю легко, основываясь на Ваших заключительных словах к рекомендации Никольского⁴³, словах — прибавлю, ставших мне известными с тех пор, как Н. С. Гроссу открыл мне решение⁴⁴ представить меня на кафедру ц[ерковной] археологии, — то Вам необходимо:

набора сделан только корректурный оттиск в показание, кто такой сей богослов. — *Прим. Н. Н. Пальмова.*

М. Н. Скабалланович произнес на акте 26 октября 1911 г. речь «О символическом богословии», первая половина которой была напечатана под тем же названием: ТКДА. 1911. № 11. С. 534–566. Несмотря на то, что публикация второй части этой речи была обещана редакцией журнала, этого не произошло. Как писал А. А. Дмитриевскому священник Николай Гроссу, вторая часть «по своему содерж[анию] не могла быть напечатана», так как автор речи «отрицает всякое богословие, тем более — православное» («Дал бы Бог, чтобы все и вся успокоились, и наступил общий мир...») (Письма протоиерея Николая Степановича Гроссу к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому 1908–1927 гг.) / *публ., вступ. ст. и примеч. Н. Ю. Суховой // ТКДА. Киев, 2014. № 20. С. 219–220.*

⁴³ Никольский Леонид Дмитриевич (1876–1953), выпускник КДА (1903), кандидат богословия; писал кандидатскую диссертацию под руководством А. А. Дмитриевского; кончил кандидатом богословия (без прав магистранта) 17-м по списку. В 1903–1911 гг. работал в Курской губернии в училище живописи и в Холуйских учебных иконописных мастерских Владимирской губернии. При разделении в 1911 г. кафедры литургики и церковной археологии на две А. А. Дмитриевский протезировал на последнюю Л. Д. Никольского, но корпорация не поддержала эту кандидатуру, считая неудачным пополнение преподавательской корпорации выпускником, занимавшим столь невысокое место в разрядном списке (см.: Письмо инспектора КДА Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому от 12 октября 1911 г. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 6 (55). С. 103).

⁴⁴ Для меня совершенно неожиданное, так как я совсем не думал о кафедре, а озабочен был в последнее время подысканием педагогической или чиновничьей службы в светских ведомствах, вследствие слухов о нашей реформе. — *Прим. Н. Н. Пальмова.*

л. 17 1) парализовать силу доводов || Скабаллановича о достоинствах Дьяковского, когда представления ректора академии о кандидатах на кафедры будут у митрополита и станут известны Вам, и

2) отклонить С. Т. Голубева от рекомендации Барвинка, потому что для «левых» Барвинок более желателен, чем я, об ужасном черносо-тенстве и закорузлости воззрений которого, в связи с невозможностью обработать и перекрестить в новую веру, у «левых» сложилось опреде-ленное мнение. В случае провала Дьяковского для «левых» из двух зол останется выбрать меньшее, т[о] е[сть], голосовать с С. Т. Голубевым за Барвинка. Мне достанется тогда уже совсем мало голосов, когда правые разобьются; Барвинок будет выбран.

Конкурса я нимало не боюсь. Говорю, что готов читать лекции с за-втрашнего дня, а перспектива состязания в лекциях положительно мне нравится. И я уже остановился выбором на Софии Киевской, как пред-л. 17 об. мете || для первой лекции (по собственному выбору). Конечно, от Совета могут закатить мудреную тему для второй лекции, по незнанию. Но ведь дадут же мне хотя несколько дней подготовиться к этой лекции? А затем, я надеюсь, и Вы подскажете мне то, чего я не буду знать.

Н. С. Гроссу советует уже начать писать лекцию о Софии. Но я считаю это еще не настоятельно необходимым, даже при массе печатного материала (с м[итрополита] Евгения) о Софии, т[ак] к[ак], кажется, все написанное о Софии мне хорошо известно и изложить на бумаге со «слезой» времени много не потребуется. Одобряете ли мой выбор темы? Надо, конечно, позаботиться, чтобы из лекции вышло нечто цельное и законченное и чтобы колокольчик не прервал на полслове речь.

Но какая, в сущности, интереснейшая и при том непочатая почти область церк[овной] археологии! Церковную сторону я всегда любил и, может быть, в самом деле теперь Господь указывает, где должно быть, наконец, мое житейское пристанище.

Спасайтесь! Ваш Н. Пальмов.

№ 9 от 30 января 1912 г. Л. 18–19 об. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 18 Дорогой Алексей Афанасьевич!

Вчера послал Вам письмо, сегодня пишу другое по нижеследующему по-воду.

Я просил астрах[анского] кафедр[ального] прот[оиерея] Н. И. Летницкого⁴⁵ справиться: сохранились ли в соборном архиве или в библиотеке (в ризнице я сам смотрел 4 янв[аря] 1912 г.) важные для биографии м[итрополита] Иосифа⁴⁶ документы:

а) грамота к Иосифу патр[иарха] Никона от 7165 (1697) г. мая 20 с приказанием разобрать дело по жалобе голландца Григория Николаева на Песрского таможенного || подьячего Ивана Степанова о захвате по л. 18 об. следним хлеба и чашек после умершего Ивана Мыльнина, принадлежащих Григорию Николаеву, и сделать ему удовлетворение справедливое безволочитно, и чтобы впредь к нему, патриарху, челобитья не было;

б) переписка Иосифа с казначеем от 1663–1664 гг., касательно присылки ему, Иосифу, в Москву жизненных продуктов.

Сии документы могут оказать помощь по установлению хронологических дат пребывания в Астрахани и в Москве Иосифа, а второй — переписка, кроме того, может дать ключ к разумению || смысла в сло л. 19 вах, брошенных Никоном Иосифу 18 июля 1663 г. при допросе по извещению Р. Боборыкина: «а ты, бедный... ныне и ты говоришь! Разве тебе что дали (за это)?» Казенная порция выдавалась Иосифу, очевидно, скудная, и он бедствовал, особенно по сравнению с достатком и богатством прочих архиереев и, главное, самого — пышного Никона...

Справки, сделанные Н. И. Летницким в соб[орном] архиве и в библиотеке, ни к чему не привели. Он пишет (от 25 янв[аря]): «много грамот митрополитам: Сампсону, Савватию, Пахомию⁴⁷, но нужных Вам нет».

⁴⁵ Летницкий Николай Иванович (1836–1915), протоиерей — выпускник Астраханской ДС (1856); священник астраханских церквей: Владимирской в с. Красный Яр (1858), Иоанно-Златоустовской (1859), протоиерей астраханского кафедрального Успенского собора (1871), член Астраханской духовной консистории (1881), законоучитель ряда астраханских учебных заведений.

⁴⁶ Священномученик Иосиф (1579–1672), первый митрополит Астраханский. В юности поступил в Астраханский Троицкий монастырь, где подвизался в молитве, посте и трудах в звании простого монаха, игумена и архимандрита; патриархом Никоном поставлен архиепископом Астраханским (1656), восточными Патриархами, приехавшими на Московский Собор, возведен в сан митрополита (1667). Принял мученическую кончину в Астрахани во время бунта Степана Разина; причислен к лику святых на Поместном Соборе в апреле 1918 г.

⁴⁷ Митрополиты Астраханские и Терские: Пахомий (1641–1655), Савватий (1683–1696), Сампсон (1697–1714).

У меня явилось предположение: не обретаются ли доселе вышеуказанные документы в Археографич[еской] комиссии, которая, как л. 19 об. передавал покойный мой дедушка Г. Я. Пальмов⁴⁸, || возвратила далеко не все документы из посланных в свое время Ив. Ф. Павлиновым⁴⁹. Кстати: и сведения о документах касательно Иосифа я почерпнул из рукописной тетради Ив. Ф. Павлинова, изданной Никанором после редактур Н. Ф. Леонтьева⁵⁰ (о последнем сам Н[иколай] Ф[илиппович] мне сообщил на сих Рождест[венских] праздниках). У Ив. Ф. П[авлино]ва поставлен и знак, под коим хранились документы, свернутые свитком, в соб[ственном] архиве, именно: № 61.

Вот в чем дело. Вы теперь близко соприкасаетесь с Археогр[афической] ком[иссией]. Наведите, пожалуйста, справки о документах и потщитесь издать их, а мне сообщите:

1) куда послана была Никоном грамота от 20 мая 7165 г., т[о] е[сть], в А[страха]н[ь] или в м[онасты]рь, где проживал Иосиф в Москве;

2) чем мотивировал Иосиф требование прислать ему в Москву жизненные продукты?

За сим — спасайтесь!

Ваш Н. Пальмов.

---

⁴⁸ Пальмов Гавриил Яковлевич (1817–1900), протоиерей — выпускник Астраханской ДС (1838), преподаватель Астраханского ДУ (1838–1858); священник астраханской Смоленской церкви (1840), ключарь и регент астраханского кафедрального Успенского собора (1845), протоиерей (1848), член Астраханской духовной консистории (1865), кафедральный протоиерей (1871), законоучитель астраханской Мариинской женской гимназии (1875).

⁴⁹ Павлинов Иоанн Федорович (1804–1883), протоиерей — выпускник Астраханской ДС (1826); священник астраханских церквей: кладбищенской Духосошестввенской (1828), Смоленской (1828), член Астраханской духовной консистории (1835), протоиерей астраханского кафедрального Успенского собора (1836); законоучитель астраханской гимназии (1842), с 1870 г. за штатом; автор ряда трудов по истории Астраханской епархии.

⁵⁰ Леонтьев Николай Филиппович (1845–1914) — выпускник Астраханской ДС (1863) и СПбДА (1867), магистр богословия, преподаватель Астраханской ДС; историк, краевед, член архивной комиссии Астраханской духовной консистории, губернского статистического комитета, инициатор создания и активный член Петровского общества исследователей Астраханского края, товарищ председателя Комитета Астраханской городской библиотеки.

№ 10 от 22 февраля 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 20

Писал я Вам о грузинском омофоре из ризницы Киево-Софийского собора, каковой омофор хочу приобщить к числу материалов для конкурсной лекции об архиерейских облачениях.

Я снял с омофора фотографию и вошел со студентами академии — грузинами в переговоры относительно прочтения грузинских двух надписей на концах омофора⁵¹. Содействия одних грузин оказалось, однако, недостаточно. Пришлось еще обратиться к помощи студента-сирийца⁵², ибо обнаружилось, что подписи при свящ[енных] изображениях сделаны не на персидском языке, как сказал м[итрополит] Евгений в «Описании К[иево]-С[офийского] собора»⁵³, но на сирийском.

Результаты усердия грузин и сирийца по прочтению надписей стали мне известны только вчера, и я хочу сегодня поделиться || с Вами л. 20 об. своими соображениями. Кстати, фотограф изготовил второй экземпляр снимка с омофора в цветном виде, каковой экземпляр покорнейше прошу Вас принять в некий малый дар. Говорю — малый дар, так как сам имею снимки больших размеров и, вследствие того, более ясные. Но не могу, к сожалению, их послать Вам до тех пор, пока не разберусь в научных достоинствах изображений и не добьюсь их научного освещения.

Грузины, прежде всего, определили погрешность м[итрополита] Евгения касательно даты в одной из надписей. М[итрополит] Евгений сказал, что на омофоре подписан 1611 год. Выходило, что омофор был предназначен п[атриарху] Гермогену... Однако в надписи (на «хутцурри» — церковном начертании букв) оказался не 1611 год, а короникон 379, т[о] е[сть] 1692 год по нашему счислению, в каковой год царь Арчил, женатый на Катевани (но не на святой Катевани, замученной персами в 1624 году, а на ее внучке), занял престол в Имеретии. Этот Арчил

⁵¹ Речь может идти об иеродиаконе Онуфрии (Шушании) — выпускнике КДА 1912 г., Филиппе Сирадзе — выпускнике КДА 1914 г., Василии Патаршвили и Лаврентии Пирцхалава — выпускниках КДА 1915 г.

⁵² Речь идет об Александре Яреде — выпускнике КДА 1915 г., сиро-арабу по происхождению.

⁵³ Евгений (Болховитинов), митр. Описание Киево-Софийского собора и Киевской иерархии с присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, также планов и фасадов константинопольской и киевской Софийской церкви и Ярославова надгробия. Киев, 1825.

был в России, по крайней мере, дважды: в 1671 г. и в 1682 г. В этом пол. 21 следнем, 1682 г., он проживал долгое || время в Астрахани и занимался здесь составлением поэмы «Арчеллиани», изображающей судьбу его рода (содержание поэмы — у Хаханова в Очерк[ах] груз[инской] лит[ературы]⁵⁴). Из описей ризницы Б[ольшого] Усп[енского] собора известны вещи, пожертвованные Арчилом в собор, но об этом омофоре до сих пор не найду нигде указаний, равно как не находит их и г. Попов, заведующий Патриаршею ризницей, которого я просил навести об омофоре справки.

Благодаря верному определению года (1692), падает и второе предположение м[итрополита] Евгения, будто омофор пожалован был Московским патриархом Киевскому м[итрополи]ту Гедону, кн[язю] Святополку Четвертинскому при возведении его в сан м[итрополи]та в Москве в 1685/6 году. Возведение Гедона в сан м[итрополи]та случилось раньше, чем омофор оказался в Москве... Если бы удалось мне достать справку из Киево-Соф[ийской] соборной ризницы (о чем хлопочу), удостоверяющую, что омофор не состоял в описях до 1792–1795 гг., годов пребывания в Киеве католика Имеретинского Максима, здесь же в Киеве, в Лавре, и скончавшегося, то предположение о подарке этого омофора к[атолику] Максиму напрашивалось бы само собой. Известно, что Максим служивал в Соф[ийском] соборе по болезни м[итрополита] Самуила Миславского и даже рукополагал за него ставленников. Весьма возможно, украшал в соборе важного католика и л. 21 об. драгоценный || грузинский омофор, который мог быть получен католиком в бытность его в Москве в 1788–9 гг., благодаря расположению к нему м[итрополита] Платона и существованию императорского указа от 22 дек[абря] 1721 г., разрешавшего раздачу по церкв[ам] и отдельным дух[овным] лицам годных для церк[овной] потребы патриарших облачений (Забелин — «Ист[ория] г[орода] Москвы», с. 547⁵⁵).

Превосходное исполнение сирийских надписей, соответствующих по содержанию греческим, привело в изумление студента-араба. Он сказал, что так написать мог человек, в совершенстве владеющий арабским языком, но никакой не дилетант. Так что, пожалуй, и весь омофор — не

⁵⁴ Хаханов А. С. Очерки по истории грузинской словесности. М., 1901.

⁵⁵ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина: В 2 т. М., 1884.

сирийская ли работа? Художники, осматривавшие омофор в фотографии Кульженко⁵⁶, пришли в восторг от тонкой, художественной вышивки и необыкновенно удачного сочетания тонов, с преобладанием мягких...

В содержании рисунков я еще начинаю только разбираться, при руководстве книг Покровского-Кондакова⁵⁷. Я обратил пока внимание на нигде не встречаемую сцену простого приготовления воды бабками, без Младенца Христа, в картинке Рождества. Сосуд, откуда льется вода, чисто восточный, по-грузински это — «су'ра». Так же не нашел я субъекта возле Иосифа (пастырь? волхв?) в таком, как здесь, облачении и шляпе. Грузины говорят, в такой шляпе ходят у них доселе пастухи... Не нашел ни в одном изображении Пятидесятницы апостола с какими-то вервиями (?) в руке (см. картинку); не Петр ли, которому дана как бы особая власть вязать — решить? Как думаете? И, вообще, что, по Вашему мнению, можно было бы сказать со стороны иконографии и археологии об омофоре? Не видели ли Вы груз[инского] омофора в ризнице Св[ятого] Гроба (Кондаков, «Путеш[ествие] по Сир[ии] и Пал[естине]», с. 274)? Не похож ли он на сей?

М[итрополит] Флавиан⁵⁸ один раз служил в сем омофоре и любовался им. Но слишком тяжел он для него, так как золот[ые], серебр[яные] и || шелк[овые] ткани весьма плотно и густо сплетаются в омофоре, об л. 20
разу как бы доски из каждой отдельной части омофора.

Кульженко изъявил желание издать снимки с омофора в своем журнале «Искусство».

Всяких благ, Ваш Н. Пальмов

PS. На чествовании п[атриарха] в Академии главари «левых»; Кудр[явцев], Экземпл[ярский], Чекан[овский], Рыб[инский], демонстративно отсутствовали⁵⁹. Ума лишились!

⁵⁶ Кульженко Степан Васильевич (1837–1906) — киевский печатник и книгоиздатель, основатель и владелец типографии «С. В. Кульженко»; один из первых освоил печать цветных фотоиллюстраций; в связи с этим исполнял особые заказы.

⁵⁷ Видимо, речь идет о сочинениях: *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892; *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

⁵⁸ Флавиан (Городецкий), митр. Киевский и Галицкий (1903–1915).

⁵⁹ 17 февраля ст. ст. — день памяти патриарха Гермогена, день его мученической кончины в 1612 г.

Кудрявцев Петр Павлович (1868–1940) — выпускник КДА (1892); и. д. доцента по ка-

№ 11 от 11 апреля 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 22

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Оказывается, своею лекцией я произвел изрядно сильное впечатление. Сравнивая ее с лекциями о. Митроцкого, Барвинка и о. Фетисова⁶⁰, мои

федре истории философии; с 1908 г. магистр богословия и экстраординарный профессор. После революции был профессором философии Таврического университета (1919–1921), работал в Византологической комиссии Всеукраинской академии наук, был уволен во время «чисток» в 1930 г.

Экземплярский Василий Ильич (1875–1933) — выпускник КДА (1901), экстраординарный профессор КДА по кафедре нравственного богословия; в 1912 г. был уволен из академии. После революции, несмотря на болезнь и практически слепоту, читал лекции, был тесно связан с архимандритом Спиридоном (Кисляковым) и общиной священника Анатолия Жураковского.

Чекановский Алексей Иванович (в монашестве Александр; 1881–1937) — выпускник КДА (1905), с 1911 г. магистр богословия, с 1913 г. священник и экстраординарный профессор КДА по кафедре патрологии. В 1921 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Бердичевского, викария Киевской епархии; в 1922 г. примкнул к обновленчеству; в 1928 г. обновленческий «митрополит Киевский и Галицкий». Расстрелян, находясь вне общения с Православной Церковью.

Рыбинский Владимир Петрович (1867–1944) — выпускник (1891) и экстраординарный профессор КДА по кафедре Священного Писания Ветхого Завета; с 1892 г. магистр, с 1913 г. доктор богословия. В 1920-х гг. работал в еврейском отделе Украинской академии наук; в 1932 г. переехал в Баку, с 1938 г. преподавал в Бакинском университете и педагогическом институте.

⁶⁰ Митроцкий Михаил Владимирович, протоиерей — выпускник Холмской ДС (1904) и КДА (1908), кандидат богословия; с 1908 г. священник Киевской епархии, законоучитель Острожской гимназии, затем Киевский епархиальный миссионер; с 1912 г. служил на приходе в местечке Медведин Каневского уезда Киевской губернии. С 1910 г. член Совета Киевского отдела Союза русского народа, член Киевского клуба русских националистов; с 1912 г. член Государственной Думы. После Февральской революции 1917 г. остался в Петрограде служить в сане протоиерея в Крестовоздвиженской (Николао-Труниловской) церкви на Петроградской стороне; в 1920-х гг. преподавал в Петроградском Богословском институте, затем на Высших Богословских курсах. В 1927 г. был арестован, отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения; после освобождения проживал в Калининской области; в августе 1937 г. был арестован и расстрелян.

Барвинок Владимир Иванович (1879–1943) — выпускник КДА (1905); в 1905–1911 гг. учился в Петербурге в Археологическом институте и на историко-филологическом факультете Петербургского университета; затем служил в учреждениях Святейшего Синода. После революции вернулся в Киев, работал в Национальной библиотеке, с 1919 г. в историко-филологическом и археологическом отделах Украинской академии наук (после 1921 — Всеукраинской).

Фетисов Николай Николаевич (1884–1938) — выпускник КДА (1908), с 1913 г. священ-

приятели находят, что она отличается от них, как небо от земли. «Это не лекция начинающего», — сказал Богдашевский Д. И., — «это лекция специалиста, настоящего ученого». «Левые», как я заметил, слушали тоже с напряженным вниманием. Делясь же после впечатлениями, кто-то из профессоров (не знаю, правый или левый) сказал: || «Это — глава л. 22 об. из его магистерской диссертации». Н. С. Гроссу разъяснил, что — нет, лекция приготовлена ad hoc.

Когда спросили о Прилуцкого, как он находит лекцию, тот одобрил: «Что же я могу сказать, кроме признания ее выдающейся по достоинству».

С. Т. Голубев после лекции отвел меня в сторонку и сказал: «Превосходная лекция. Признаюсь откровенно, я даже не ожидал такого богатства знаний и такого красивого изложения».

Не ожидали, должно быть, и «левые». Гроссу сказал: для них лекция || была бомбой, которая разорвала все их козни, если таковые гото- л. 23 вились и лично против Вас, и против всего дела. Теперь, оставаясь или желая оказаться честными, они должны голосовать за Вас...

Но можно допустить и то, что «левые» будут изъяснять качества лекции по-своему и относить их не на мой счет. Скажут: или я списал, или кто-нибудь написал мне эту лекцию другой (!): не даром и приезд проф[ессора] Дмитриевского прошел для П[альмо]ва...

Следоват[ельно], необходимо поторопиться печатанием лекции. О. Прилуцкий предложил издать и все снимки (15) на счет Археолог[ического] о[бществ]а, но Богдаш[евский] говорит: Н. И. Петров ни за что не даст денег на это издание, а для «Трудов» невозможна || такая ро- л. 23 об. скошь.

Да, о. Анатолий⁶¹ был в[есьма] заинтересован моей критикой м[итрополита] Евгения касательно даты омофора (не 1611, а 1691 г.) и с подозрением отнесся к правильности моих сведений в груз[инском] летос-

---

ник и и. д. доцента КДА по кафедре патрологии, с 1915 г. магистр богословия и доцент. В 1920-х гг. примкнул к обновленчеству, но в дальнейшем покаялся и был настоятелем церкви в г. Раменском Московской обл., расстрелян в Бутово; реабилитирован в 1990 г.

⁶¹ Анатолий (Грисюк; 1880–1938), священномученик — выпускник КДА (1904), в 1904/05 уч. г. профессорский стипендиат по кафедре общей церковной истории; с 1904 г. иеромонах, с 1905 г. и. д. доцента КДА по кафедре истории Древней Церкви, с 1911 г. магистр богословия, доцент, архимандрит, с 1913 г. ректор КазДА и епископ Чистопольский.

числении. И Титов наострился, когда я читал о том... Гроссу разъяснил о. Анатолию, что здесь не может быть с моей стороны никакой ошибки.

Таковы-то дела. Вторая лекция — на легкую тему: «Византийский архитектурный стиль. Его характерные черты и краткий историч[еский] очерк его развития». Для лекции на сию тему мне можно обойтись и собственным средствами!

Желаю Вам здравия и всяких благ. Остаюсь Вашим Николаем Пальмовым.

PS. И. Н. Корольков тоже пришел на лекцию. А пред лекцией, отдавая Гроссу в сторонку, как бы с укором сказал: «Ну, зачем Вы представили Н[иколая] Н[иколаевича]? Разве он такой хороший?..» — Вот Вам, как-ков Ив[ан] Н[иколаевич]! Но после лекции Ив[ан] Н[иколаевич] опять подошел к Гроссу и сказал: «А ведь хорошая лекция была у Н[иколая] Н[иколаевича]!».

PS. При сем прилагаю снимки с вальцбургской митры, при письме о. Николаевского. По миновании надобности возвратите.

Ваш Н. П.

№ 12 от 20 апреля 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 24 Дорогие Анастасия Ивановна и Алексей Афанасьевич!

Слышал от нашего ректора отзыв о моих лекциях, какой делал ему пресв[ященный] ректор Академии. Иннокентий признал их блестящими. Если первая лекция, сказал он, произвела впечатление составленной человеком хорошо знакомым с предметом и им увлекающимся, то вторая обнаружила в лекторе прямо-таки человека ученого. Это уже готовый, по своим знаниям, профессор, но не новичок, которому приходится начинать с азов. ||

л. 24 об. О лекциях Барвинка Иннокентий отзывался, как хотя о хороших, но значительно уступающих моим.

Ст. Т. Голубев — в восторге от лекций моих. Высказывал даже студентам, что они много потеряли, не придя на лекции. Ему вторая моя лекция понравилась еще больше, чем первая.

А я построил вторую лекцию так:

1) изложил мнения о происхождении византийского искусства: Викгоффа, Крауса и Стриговского и указал современную постановку во-

проса о происхождении визант[ийского] искусства у Кондакова⁶²; 2) описал Софию К[иев]скую; 3) показал, насколько позволяло время, какое применение нашли себе || (л. 25) архитектурные идеи Софии (кресты, л. 25 купола, арки, капители колонн, орнамент) в позднейших визант[ийских] сооружениях до Македонской династии (до Νέα ἐκκλησία) и после нее, как в самой Византии, так и в Македонии, на Афоне, в Грузии, в России.

Мне много помог Diehl книгой Manuel d'art Byzantin, откуда я черпал полной рукой материал и по вопросам происхождения визант[ийского] стиля, и по описанию монумент[альных] памятников этого стиля в разных странах⁶³. Спасибо Вам, Ал[ексей] Аф[анасьевич], что натолкнули меня на Павлуцкого — он очень пригодился своей историей о происхождении коринфского ордена из Египта и Азии⁶⁴. Потом Кондаков дал мне тоже немало добра: «Археолог[ическое] путешествие по Сирии и Палестине», «Македония», «Памятн[ики] искусства на Афоне», «Русские древности», «Древняя архитектура Грузии»⁶⁵. ||

О киевских церквах я писал по Лашкареву, о псковских — по Оку- лич-Казарину, о новгородских — по Ласковскому⁶⁶.

⁶² Викгофф Франц (Vikgoff Franz; 1853–1909) — австрийский историк византийского искусства, один из родоначальников венской школы искусствознания; Краус Франц Ксаверий (Kraus Franz Xaver; 1840–1901) — немецкий историк христианского искусства, археолог; Стриговский Йозеф (Стржиговский, Стжиговский, Strzygowski Josef; 1862–1941) — австрийский историк византийского искусства; Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог.

⁶³ Diehl Charles. Manuel d'art Byzantin. Paris, 1910.

Диль Шарль (1859–1944) — французский историк византийского искусства.

⁶⁴ Павлуцкий Г. Г. Коринфский архитектурный орден. Киев, 1891; 1905. См. также: Сонни А. Отзыв о сочинении магистранта Г. Павлуцкого «Коринфский архитектурный орден» с 50-ю рисунками в тексте и 8-ю фототипическими таблицами, 196 стр. Киев, 1891 // Университетские известия. 1893. № 4. С. 37–43.

⁶⁵ Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904; Он же. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909; Он же. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902; Он же. Древняя архитектура Грузии // Труды Московского археологического общества. Т. VI. М., 1876. С. 211–268; Он же, Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства: В 6 т. СПб., 1889–1899.

⁶⁶ Лашкарев П. А. Киевская архитектура X–XII вв. Киев, 1874; Он же. Развалины церквей св. Симеона и Копырев конец древнего Киева. Киев, 1879; Он же. Остатки древних зданий Киево-Печерской лавры. Киев, 1883; Он же. Киворий, как отличительная архитектурная принадлежность алтаря в древних церквах. Киев, 1883; Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову: (Любителям родной старины). Псков, 1911;

Уже отдал лекцию в «Руководство»⁶⁷, дабы скорее выпустить ее в свет. В печати она займет около 2 листов.

Преосв[ященный] Кирион и здесь явился мне на помощь: особой телеграммой указал на важную статью по груз[инской] архитектуре в издании «Вест[ник] Кавказа». Удивительно любезный и добрый человек!

В Киеве все (кажется) говорят, что моральная победа на моей стороне. Но пройдет Барвинок, наверное, ибо он все передние пообошел — и даже пролез до дворца ген[ерал]-губернатора, как я сказал...

А бедных самоотверженных студентов, посещавших все конкурсные лекции (Трезвинского, Лужинского — моих по семинарии учеников⁶⁸) товарищи подвергли остракизму: постановили не здороваться и не давать лекций. Вот Вам и свобода личности!

Будьте здоровы. Ваш НП ||

л. 24 PS. Вас, Алексей Афанасьевич, просит Н. С. Гроссу прислать ему на время ту французскую книгу, о которой сообщили чрез меня, если она Вам не нужна. Он возвратит ее Вам обратно, познакомившись с нею.

П. ||

л. 25 об. PPS. О. Анатолию не понравился слишком «докторальный тон» в моих лекциях. По взгляду сего ученого мужа, преподаватель семинарии ни выдумать, ни отыскать нового не может!..

П.

№ 13 от 21 апреля 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 26 Дорогой Алексей Афанасьевич!

Переживаю очень тяжкие часы. Мое имя треплют, яко зло, ибо г. Барвинок поставил себе, во что бы то ни обошлось, попасть в академию. Мои друзья волнуются, нервничают, а это еще больше расстраивает меня. Из-за чего загорелся весь этот сыр-бор?! Зачем надо было лишить меня

Ласковский В. П., Лашков Н. А. Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893 или: *Ласковский В. П.* Путеводитель по Новгороду. Пособие при обозрении города и его ближайших окрестностей, его святынь и древностей. С приложением плана города, 15 рисунков и четырех указателей. Новгород, 1910.

⁶⁷ Руководство для сельских пастырей.

⁶⁸ Трезвинский Нестор Константинович (в монашестве Нектарий; 1889–1937), иеромонах — выпускник Киевской ДС (1911) и КДА (1915); Лужинский Константин — выпускник Киевской ДС (1908) и КДА (1912).

относительного покоя, которым я пользовался доселе? — Напишите мне что-нибудь в утешение, потому что в Киеве ни от кого не могу получить этого утешения.

Положение трагическое. С одной стороны, мне говорят: лекции превосходные, и по своим познаниям ты настоящий профессор. С другой стороны, мне передают || убийственные отзывы о моих лекциях, из коих л. 26 об. первая составлена, будто бы, на основании «завалящегося» материала, что со своими, якобы, новыми материалами я «ломлюсь в открытую дверь». И тот самый Д. И. Богдаш[евский], который так хвалил мои научные приемы, теперь только одно позволяет себе — отказаться от суждения о Барвинке, не решается подать отрицательный за него шар.

Скажите мне откровенно: достоин я быть профессором, или кафедра предоставляется мне из милости, по «кумовству и свойству», как объясняют друзья Б[арвин]ка? Если я достоин — одно; недостойн — зачем нарушили мир моей души?!

Теперь даже пускается в оборот Ваш отзыв о моем кандидат[ском] сочинении, в котором нет-де археологич[еского] материала⁶⁹. Этот отзыв пускает в оборот Анатолий... Прилуцкий же весь, как вижу, в руках Скабаллановича и жадно впитывает в себя то, что слышит || от левых, л. 27 критикующих мою лекцию первую, дабы высказать это на Совете и тем поддержать Барвинка.

Лидером левых становится Мищенко, — по словам Н. С. Гроссу, самый злой мой враг. Увидев, как Н[иколай] С[тепанович] ходит по аллее и беседует с о. Анатолием, Мищ[енко] сказал в библиотеке Крыловскому⁷⁰: «Гроссу охаживает Анатолия». Эта фраза, сказал Н[иколай] С[тепанович], открывает мне все — весь план левых... Мухин, в благодарность Б[арвин]ку за развод, превозносит похвалами Б[арвин]ка.

На совещании у Н. С. Гроссу Анатолий упирал на мои 15 лет службы по окончании курса. А когда Гр[оссу] сказал, что они прошли не в бездействии, а из тех статей, которые напечатал я в «Рук[оводстве для сельских пастырей]», можно бы составить солидную диссертацию, При-

⁶⁹ Отзыв А. А. Дмитриевского о сочинении студента Николая Пальмова на тему: «Чинопоследования пострижений в монашество (историко-археологическое исследование)» // Извлечение из Протоколов Совета Киевской духовной академии (далее — ИПС КДА) за 1896/1897 уч. г. Киев, 1898. С. 230–231.

⁷⁰ Крыловский Амвросий Семенович (1853–1930) — выпускник КДА (1886), магистр богословия (1905), многолетний библиотекарь КДА.

луцк[ий] подал такую реплику: «Ну, об этом нельзя говорить всерьез, конечно...»

Боже мой, какое облако злобы и вражды окружило меня со всех сторон! И несть ни единого, мне помогающего!...

Напишите мне поскорее что-нибудь.

Ваш Н. П.

№ 14 от 22 апреля 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 28 Дорогой Алексей Афанасьевич!

Продолжаю излагать то, что говорят обо мне и моих лекциях. Прежде всего, сам г. Барвинок третьего дня провожал С. Т. Голубева от академии до университета и всю дорогу настойчиво просил провести его в профессора. Он указывал и на то, что кончил Археолог[ический] институт и кончает университет, — след[овательно], является человеком весьма ученым⁷¹. Что же касается того, что лекции его вышли хуже, то причиной являются счастливые обстоятельства, в которые я был поставлен. Проф[ессор] Дмитриевский помогал писать мне первую лекцию, для ||

л. 28 об. второй лекции сообщил мне, своему ставленнику, по телеграфу материал.

Скажите, Вы мне телеграфировали?... Я не получал, по крайней мере, от Вас указаний по телеграфу!

Ходил Б[арвинок] и к Богдашевскому после того, как моя вторая лекция (первая, по признанию Прилуцкого, представила заваливший материал!) произвела впечатление главным образом благодаря присутствию в ней имен: Викгоффа, Крауса, Дилья, Шуази, Флетчера и Кондакова⁷². «У меня тоже в тетради есть литература предмета, — сказал Барвинок Богдашевскому, — только я опустил при чтении; не подумайте, что я не знаю литературы».

л. 29 Мухин Н. Ф. упирает на то, что || взять меня в академию — значит, посадить на шею молодым доцентам, которые не в состоянии так

⁷¹ На взгляд же некоторых, это обстоятельство является большим минусом для Барвинка. Ибо, если пройдя столько уч[ебных] заведений, он не мог победить на конкурсе, то как слабы, выходит, способности у человека!.. — Прим. Н. Н. Пальмова.

⁷² Викгофф, Краус, Диль, Кондаков — см. прим. 62, 63.

Шуази Огюст (Choisy Auguste; 1841–1909) — французский инженер и историк архитектуры; Флетчер Банистер (1833–1899) и Флетчер Банистер Флайт (Fletcher Banister Flight; 1866–1953) — отец и сын, английские архитекторы и историки архитектуры, выявлявшие генезис архитектурных форм с помощью сравнительного метода.

скоро представить магист[ерские] диссертации и, следов[ательно], долго должны будут ожидать освобождения кафедры экстраординарного профессора, которую прежде всего пришлось бы предоставить мне по количеству лет службы...

В природе сырость и мрак; на душе тоскливо, и нервы ужасно расстроены. Но Н. С. Гроссу говорит, что дело идет совершенно так, как он вначале еще предусматривал, без малейших уклонений в сторону, что его лично весьма радует, ибо в том он почерпает уверенность в конечном торжестве его замысла. Да, — но каково мне-то переживать всю эту историю?!

Будьте здоровы и сами благодушествующе.

Привет дорогой Анастасии Ивановне.

Ваш Н. П. ||

PS. Для того, чтобы посмеяться: И. Н. Корольков вручил Н. Н. Успенскому⁷³ 50 коп. с просьбой дать ему немедленно по телеграфу известие об исходе выборов 24 апр[еля].

П.

№ 15 от 25 апреля 1912 г. 6 ч. утра. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогие Анастасия Ивановна и Алексей Афанасьевич!

л. 30

Еще раз благодарю за поддержку, содействие, ободрение и советы в деле моем.

Опишу, со слов Н. С. Гроссу и Н. Н. Успенского, как произошло то, что я имею 7 голосов, сколько имеет их и г. Барвинок. Дело в том, что о. Анатолий вынужден-таки был подать свой голос за меня, ввиду тех доводов, которые представлялись Гроссу. Но сделал он это, как выразился о. Богдаш[евский], со скрежетом зубовым, п[отому] ч[то] ему очень хотелось провести Барвинка, а во-вторых, он не ожидал, чтобы Барвинку положили только 7, столько же, сколько || и мне. Затем, Ф. И. Мищенко *л. 30 об.* устранил от меня вред со своей стороны тем, что подал голос и за меня, и

⁷³ Успенский Николай Николаевич (1873–1946) — выпускник КДА (1897), с 1898 г. — секретарь Совета и Правления КДА; однокурсник Пальмова по академии. В дальнейшем был преподавателем в женской гимназии в Киеве (1912), директором Тифлисской мужской гимназии (1916); в 1920 г. эмигрировал, в 1926 г. принял священный сан, был настоятелем Свято-Николаевской церкви в Булонь-Бийанкуре (под Парижем, 1926), Свято-Николаевской церкви в Филадельфии (1927), Петро-Павловского храма в Саут-Ривере (1934).

за Барвинка. Помог, наконец, и П. П. Кудрявцев, клавший против меня и, в то же время, против Барвинка. Таким образом, у меня получилось избирательных 7, при 6 неизбирательных и одном воздержавшемся (о. Глаголев).

За Барвинка голосовало тоже 7, а против — 5, при 2 воздержавшихся. С. Т. Голубев исключительно голосовал за меня.

Пред выборами спрашивали мнения о лекциях у Прилуцкого. Он, по передаче Гроссу, все-таки больше говорил в мою пользу, чем в пользу Барвинка. За Прилуцким высказывался Скабалланович. Он поставил мне в вину большую ученость, которая делала мои чтения более походя-
л. 31 щими на рефераты, чем на лекции. Такая эрудиция || непосильна была бы для усвоения студентами... Этим отзывом Ск[абалланович] сослужил мне большую службу, т[ак] к[ак] окончательно разбил тот взгляд некоторых, что эрудиции-то и не было в моих лекциях.

Титов говорил за Барвинка; он указывал на молодые годы его и высказал уверенность, что из него выработается блестящий профессор. Б[арвинок] заявил себя солидным ученым в диссертации и в тех статьях, которых у него довольно число.

Последнее, т[о] е[сть], писательскую деятельность Б[арвин]ка, выставил на вид и о. Анатолий. Но на защиту мою явился С. А. Песоцкий (вот не знаешь, где найдешь друга!). Сей муж почел долгом заявить что диссертация Б[арвин]ка в[есьма] слабая, а что касательно до статей, то они представляют не более как отдельные главы из того же сочинения!..

Ввиду такой постановки дела, когда голос председателя склонил решение в мою сторону, в отдельном мнении не оказалось необходимо-
л. 31 об. сти, хотя Н. С. Гроссу принес его с || собою, предварительно прочитав его ректору и встретив с его стороны полное сочувствие.

Когда все это рассказывали мне Гроссу и Усп[енский], пришедшие ко мне с поздравлениями, — отворяется дверь и раздается голос: «Ну, вот я так и знал, — думаю себе, уж не может быть, чтобы Н[иколай] Ст[епанович] не пошел поздравить»... Оказывается, С. Т. Голубев. «Был я на заседаниях на курсах, 20 целковых заработал; иду домой и думаю: надо поздравить избранного, только где он живет?! Тут — аптека, я сейчас туда, взял календарь скорой помощи, нашел «Золотов[оротная], 6». Да это под боком, пойду-ка туда, авось кого-нибудь еще там застану».

Усадили С[тепана] Т[имофееви]ча на диван, налили ему кавказского вина, и полилось красноречие у нашего друга. Чего-чего он тут

не рассказывал, а главное — так бранил Б[арвин]ка за его проказничество, что ужас. «А тебя, дорогой мой, Бог избрал»... Объяснил С[тепан] Т[имофеевич] и то, почему он исключительно голосовал за меня: 1) лекции отличные; а 2) Б[арвинок] уж очень опротивел — пред самым заседанием опять приходил просить...

И так сидели до 11 ½. Уходя, Ст[епан] Т[имофеевич] сказал, || что л. 30 он все-таки напишет Вам и м[итрополиту] Владимиру, ибо не может быть, чтобы Б[арвинок] сложил оружие. Он подбьет Анатолия к отдельному мнению и сам станет действовать через Саблера. Делу может еще грозить опасность... Обещал написать и Глубоковскому⁷⁴ объяснение, почему подал голос против Б[арвин]ка: «Нарочно проведу мысль, что все услуги, какие делал мне Б[арвинок], в сущности были взятки, даваемые им мне».

Так-то сложились обстоятельства, в которых нельзя не усмотреть действие Промысла Божия, избравшего некоторых лиц Своим орудием!..

Будьте здоровы!

Ваш Н. П.

№ 16 от 12 мая 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогие Анастасия Ивановна и Алексей Афанасьевич!

л. 32

Вчера вечером, по приезде м[итрополи]та, дело разъяснилось, и нашим волнениям был положен конец.

Приехавшие ко мне с вокзала Богдаш[евский], Голуб[ев] и Гроссу (вместе с ректором и инспектором семинарии), просто хватали себя за головы и кричали: «Как же мы все опростоволосились с протоколом Совета! Мы даже не прочитали отзывов Прилуцкого и др[угих], говоривших или не в пользу, или во вред нашего кандидата».

О ходе дела в Синоде оповестил Иннокентия и пр[очих] секретарь м[итрополи]та, а сам м[итрополи]т сказал лишь, что журнал Синода уже подписан. ||

По всестороннему обсуждению услышанного от секретаря, Богдаш[евский], Голуб[ев] и Гроссу решили, что всю тяжесть дела вынес на своих плечах Флавиан, которому открывали глаза на правду Вы, Алексей Афанасьевич. Это первое заключение.

⁷⁴ Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — выпускник МДА (1889), доцент (1891), профессор (1894) по кафедре Священного Писания Нового Завета СПбДА.

Второе заключение было то, что избрание меня на кафедру — это дело Божие, т[ак] к[ак] правые, в сущности, ничего не сделали, успокоившись на мнимой победе после голосования и сложив руки тогда, когда с особенной энергией стал работать противник. «Вы, — говорили мне, — прямо можете считать нас ничего для Вас не сделавшими. Только при нашей лености и косности мог составиться такой журнал Совета, л. 33 который, в сущности, весь против Вас направлен, ибо || в журнале помещены лишь отзывы противной стороны. Где наши отзывы? Их нет, как нет даже и справки о научном достоинстве диссертации Б[арвин]ка, сделанной Песоцким... Мы так были уверены, что во всем этом надобности решительно никакой не имеется. Откуда же, спрашивается, члены Совета (видимо — Синода) могли почерпнуть представление об истинном положении вещей?!..

Голубев говорил, что он завтра, т[о] е[сть] сегодня, поедет к м[итрополи]ту и поклонится ему в землю за мужественное защищение правого дела. С тем вместе Г[олубев] обещает расписать Б[арвин]ка, не щадя красок...

Вчера весь день волновался и Иннокентий, прочитав телеграмму «К[иевской] м[ысли]». Он Голубеву говорил: «Да неужели же это — правда?! Скажите, правда это?!...» Голубев успокаивал владыку ссылкой || на Вашу телеграмму ко мне, но в душе, говорит, сам был неуверен... С телеграммой Вашей могли произойти всякие случайности, а я даже впал в подозрение: не фальшивая ли она и не послана ли была от Вашего имени каким-нибудь прохвостом, дабы позлорадствовать потом.

Итак, дело Божие совершилось. «Если Бог за нас, кто против нас?» Мне думается еще, что и свят[итель] Иосиф Астрах[анский], подаривший мне саккос для лекции, здесь вложил свою долю участия, да и самое утверждение меня совпадает со днями его злостраданий († 11 мая). Тяжесть дела вынес на своих плечах Флавиан. Ему же открывали глаза на правду вы, Ал[ексей] Аф[анасьевич]! Голубев, оказывается, никому не писал, хотя и обещал всем разослать письма: и м[итрополиту] Влад[имиру], и Никону, и Вам для м[итрополита] Флавиана.

Заканчиваю письмо одним словом: «Спасибо!»

Ваш Н. П.

PS. Сидели вчера у меня академические до 12 ч. ночи. Пили вино, боржом и ели печенье. Голубев, кажется, не прочь был разойтись, но Богдаш[евский] удерживал его и повез с собою.

№ 17 от 13 мая 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 34

Я с восторгом читал Ваше «бранное» письмо. Оно привело меня в наилучшее настроение, какое и приличествует сегодняшнему празднику. Я просто ликовал, как здорово Вы отхлестали меня, тем более, что Д. И. Богдашевский уже наперед напрозорил это и сказал: «Ну, ждите теперь от Ал[ексея] Аф[анасьевича] за свою телеграмму...» Мы и тогда много пережили приятных минут, представляя, как Вы теперь в С[анкт-]П[етер]б[урге] бранитесь. За дело, отец, за дело: так и следует нашего брата чистить.

Почему я послал телеграмму, Вы тоже знаете: 1) подумал, не обманули || ли Вас гнусные синодские чиновники, что могло случиться по разным у них побуждениям. Я не предполагал, что Вы лично приняли весть от митрополита, как не предусматривал и возможности такого осложнения дела. Последнего никто (из правых) в Киеве не предполагал. Всякий думал, что дело уже сделано. Правда, Титов как-то раз обмолвился, что еще посмотрим-де, какой оборот примет дело в Синоде. Но на слова Т[ито]ва особого внимания не обратили. Голубев прямо говорил: «Синод не может не утвердить П[альмо]ва, — это было бы пощечиной ректору, инспектору и всей партии». Посему Голубев и не писал никому в С[анкт-]П[етер]б[урге] и посему же был крайне взволнован, прочитав в Вашей телеграмме слова: «после боя». Невзирая на 11 ч. ночи, он прибежал ко мне, поднял меня с кровати («Ты что, дорогой мой, завалился спать? Тебе скакать надо, а || ты спишь?») и прямо начал беседу с того, что решительно не понимает, какой мог быть «бой» в Синоде, раз дело правое и чистое?!.. Вот Вам еще доказательство, как смотрела благонамеренная публика на исход истории. Вчера о. Д. Ф. Дмитрев прислал мне поздравление и в нем пишет: «Очень и очень рад, что правда восторжествовала». Обратите внимание: «правда» — пишет член Консистории... После всего этого как было не усомниться в полученной накануне 11-го телеграмме (хотя и за Вашей подписью) о моем утверждении, раз газета, обычно весьма осведомленная на сей счет, провозгласила о Барвинке?! Да и не я один впал в сомнение. Голубев тоже разделил возможность подвоха, и первый его вопрос после изъявления недоумения, был: «Ты телеграмму-то послал Афанасьичу?»; и узнав, что послал, взял с меня слово немедленно дать ему знать о содержании ответной телеграммы.

л. 34 об.

л. 35

Так и ждали мы Вашей телеграммы до самого вечера. Пред 9-ю часами приехал ко мне опять Голубев по пути на вокзал и спрашивает: «получил телеграмму от А[фанасья]ча»? — || «Нет, — говорю, — не получил». — «Что такое?!» — «Провалили меня», — замечаю ему. Вместо ответа Г[олубев] читает письмо Глубоковского, писанное после заседания 8-го мая, с сообщением, что дело возвращается вновь в академию. «Сейчас все, впрочем, разъяснится; я нарочно еду встречать м[итрополи]та и первым делом его спрошу: кого утвердили? — а с вокзала приеду сюда с Богдаш[евским]. Ты на всякий случай запасись винцом». — «Винцом я запасусь, — отвечаю, — но если не утвердили, тогда лучше не приезжайте». — «Ну, ладно, — соглашается Г[олубев], — хотя все-таки подготовь вина — что тебе?!..».

Я приготовил самодельного мозельского вина 2 б., ибо все магазины были заперты, и только в нашей лавчонке, задним ходом, можно было кое-что достать. К вину присоединил фунт печений от «Маркиза». Ожидаю, смотрю с балкона и вижу: грядут около 10 ч. два архимандрита — наш ректор и инспектор. Ну, тут я уже понял, что наша взяла... Радостные, они целуют меня и поздравляют. «Как мы волновались, прочитав “К[иевскую] м[ысль]”, — говорят. — И не верилось, а, с другой стороны, знаем и Барвинка: он на все пойдет, лишь бы добиться своего!..» Потом || приехали Богдаш[евский], Гол[убев] и Гроссу. Тоже в приподнятом настроении. «Ну, как же мы опростоволосились», — говорят в один голос. — «Хотел, — говорю, — Господь показать Свою силу в этом деле». — «Верно-верно, так», — отвечают.

Какое впечатление произвела телеграмма «К[иевской] м[ысли]» на духовенство, судите вот почему. Во Влад[имирском] соборе (11 там было архиер[ейское] служение) о. Корольков И. Н. говорит о. Аполлинарию, нашему инспектору: «Ведь Ваш товарищ (Барвинок) утвержден!» — «Не может этого быть, — отвечает Апол[линарий], — какой же Барвинок профессор?!» — «Ну, помилуйте, — он готовый магистр, он прошел Археолог[ический] институт, это то же, что в Казани Миссионерские курсы». — «А что Вы думаете?! — Мис[сионерские] курсы на высоте призвания стоят!». На вокзале Анат[олий] подходит к о. Апол[линарию] и со злорадством бросает: «А что: вашего протезе не утвердили?» — «Почему нашего? Разве и не вашего? Разве Вы теперь уже в другой партии?..» — Здорово срезал! — «“К[иевская] м[ысль]” те-

леграфирует о Б[арвинке]», — || продолжает Анатолий. — «Да что там л. 36 об. “К[иевская] м[ысль]”, — возражает Апол[линарий], — я ей не верю». — «Слушайте, — подскочил С[тепан] Т[имофеевич] к беседующим инокам, — я имею основание сомневаться в справедливости телеграммы “К[иевской] м[ысли]”; — хлопает по карману, где лежит письмо Глубоковского, — я сейчас спрошу у митрополита»...

Вы говорите мне : «Не верь “К[иевской] м[ысли]”». Как же было не верить, когда все верят ее телеграммам, и телеграммы почти всегда оправдываются? Почему я знал, повторяю, что Вы приняли весть от самого м[итрополи]та? Вы бы прибавили два слова об источнике сведений — «митрополит сказал», — и все было бы спокойно. Это во-1-х.

Во-2-х, я впал в подозрение: не фальшивая ли телеграмма послана каким-либо пакостником от Вашего имени, за Вашей подписью. Это могло случиться: это могли сделать друзья Б[арвин]ка для того, чтобы тем горшью учинить досаду всем нам. Сами видите, какой негодяй Б[арвинок] (и при том дурак), впутывающий в историю || ни в чем не по л. 37 винную тут нашу дорогую богинечку. Уж это, по-моему, последнее дело, и им Б[арвинок] окончательно подписал приговор своей нравственной личности. Вот именно о нем можно и должно сказать: Бог ему судья!

Впрочем, и здесь, в истории с телеграммой, я вижу продолжение действий со стороны высшего мира. Переживая 11-го целый день волнение, я сподобился (хотя и в малой доле!) приобщиться к страданиям доблестного нашего иерарха Иосифа, в сей день принявшего мученический венец. По вере моей, он мне помог... Посему-то и радость на меня сейчас напала, когда я стал читать и перечитывать Ваши бранные словеса! Ответь Вы на мою телеграмму, я был бы спокоен, но зато не увидел бы лишней раз того, что следовало увидеть — руки св. Иосифа в сем деле?⁷⁵...

Вы, пожалуйста, наведите справки, о коих я просил, касательно документов об Иосифе! Издать житие святителя — теперь долг мой!

Касательно родителя моего скажу, что его колебания я объясняю только тем, что || он не слышал голоса Божия, которого ожидал услы- л. 37 об. шать при вступлении в новый период служения Церкви, и потому дело так закончилось. А я, во всей своей истории, со всей очевидностью и

⁷⁵ С утра 11-го я уже стал получать поздравит[ельные] телеграммы из Астрахани и из Киева. Вот, думаю, будет скандал, если произошло недоразумение! Особенно жаль мне было м. игумению Платониду, приславшую телеграмму — она такая добрая к нам и расположенная!.. — Прим. Н. Н. Пальмова.

несомнительностью видел руку Божию, влекущую меня туда, куда я и не думал попасть. Мне, прежде всего, изумительно «везло» по части собрания материалов к лекциям. Куда ни обращусь, везде что-нибудь для себя сыщю. Сколько завязалось при этом приятельских новых отношений у меня!.. Затем, самое чтение лекций было как бы торжеством для меня. Беспристрастные слушатели признали их блестящими. Я сам чувствовал, что победил. Далее — выборы в Совете. Разве не чудо, что я выбран? — Чудо, истинное чудо! Никто не ожидал столь многого количества голосов у меня... Наконец, заминка в Синоде, — и после нее полная победа! — Нет, должно быть, целый ряд угодников мне помогает: в одной фазе один помог, в другой — другой, в третьей — третий, и т. д.!

Обратите, при том, внимание еще и на то, с какою уверенностью писали мне о благоприятном для меня исходе дела преосв[ященные] Кирион и Димитрий. Святители сии водимы, как вижу, Духом Божиим! Аминь. ||

л. 38   Дальнейшие Ваши советы, указания и благожелания принимаю к исполнению. М[итрополи]та посещу даже завтра. Преподнесу ему снимок с саккоса м[итрополита] Иосифа и, если окажется возможным, побеседую с ним. Он в прошлый раз (12-го) говорил нашему ректору Амвросию, что-де и отца моего приглашал в Мих[айловский] м[онасты]рь, но почему-то отец не принимает приглашения. Кажется, владыка не совсем доволен Никодимом. Хотя он и не ездил, подобно Димитрию, к Экземплярскому выразить ему соболезнование, но письменно (будто бы) не преминул сделать это, чем доказал свое неразумие (хотя человек он благочестивый).

Касательно диссертации, пожалуйста, не беспокойтесь. Доселе действительно я не видел в ней надобности. Теперь это — долг мой. А за то, что я додержал свою работу доселе, только благодарю Бога, ибо и мысль у меня теперь окрепла, и материал оформился, и тексты, благодаря новой фотографии, могут || быть представлены в более исправном виде. Раннее магистерство, не вынуждаемое необходимостью, могло бы повлечь за собою вред для моей души. Теперь этого уже не будет, такого рода опасность миновала для меня, а для науки от этого — приобретение: моя книга не будет мертвым грузом, и не придется искусственно возвеличивать ее ценность (как сделал «Церк[овный] вестн[ик]» с книгой Барвинка). Все, отец, что творится, творится к лучшему, да явятся

дела Божии на нас. Знаете, потому и Б[арвинок] провалился, что он уповал больше на князи и на сыны человеческие, в них же несть спасения. А что он уповал на людей, видно вот из чего. Он, не придавая особого значения лекциям, вероятно, и не старался о них. Когда же увидел, что мои лекции всем понравились больше, чем его, он вместо того, чтобы винить себя в неуспехе, говорил Успенскому: «Какой Ал[ексей] Аф[анасьевич] странный || человек: он мне и книги давал, и обнадеживал меня, а здесь л. 39 в Киеве действует против меня». Аз же на Господа и на правду Его уповал, оттого и не постыдился. Да Он Сам и воззвал меня к неожиданному служению, устами иерея Божия Н. Гроссу, в канун праздника св. Варвары. Теперь я светло торжествую, ибо я призван (а не сам просился), законно избран и высшею властью законно же утвержден.

За сим — благодушествуйте. Привет дорогой богинечке.

Ваш Н. Пальмов.

PS. Писано со многими вздыханиями сердечными.

№ 18 от 13 мая 1912 г. Киев.

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 40

Письмо Ваше от 10 мая читаем с захватывающим интересом. Гроссу просто кипел, когда я читал ему выдержки из письма. «Вот бы мы показали тогда, — говорит он, — что за птичка Барвинок, если бы дело вернули в академию обратно. Мы сделали бы сопоставление наших отзывов о сочинении Б[арвин]ка с тем, который появился на страницах Ц[ерковного] вест[ника] ко дню избрания — для характеристики Б[арвин]ка. Мы бы тогда ничего не утаили из того, что теперь стеснялись писать о Б[арвин]ке даже в частных письмах, ибо по всему видно, он — не только глупый, но прямо-таки гадкий человек, раз пускал в ход все, лишь || бы уронить л. 40 об. в глазах некоторых членов Синода своего противника».

Голубеву и Богдашевскому, да и Иннокентию я, пожалуй, не буду передавать частностей (а тем паче интимностей) письма Вашего. Голубев обещал и без того нарисовать м[итрополи]ту фигуры Б[арвин]ка и Анатолия во весь их рост. Бог с ними!

Во всяком случае, какой бы оборот ни приняло дело при новом его решении, Вы правильно говорите, оно принесло бы лишь новые волнения и оскорбления. Значит, остается благодарить Бога, угодников и Вас за окончание дела. По второму пункту, касательно угодников, то я Вам

скажу, что по вере моей, первый заступник мой был Иосиф убиенный. Богдаш[евский] говорит, что и он верует в чье-то небесное заступление, л. 41 склоняясь больше, впрочем, к 4-м нашим || Киево-Братским молитвенникам. Вы называете Николая Чудотворца. К сему последнему и я притекал в Софийском соборе 9-го. Но дело мое решилось 10-го, в канун злостраданий Иосифа, подражать которому (в малой, впрочем, степени!) выпало и мне, слабому, на долю 11-го, когда все мы были поражены телеграммой «К[иевской] м[ысли]» о Барвинке, и я ужасно волновался, впад в сомнение даже самой подлинности телеграммы...

Теперь только со всею очевидностью открывается, над какую пропасть все время мы ходили, не предчувствуя, что вот-вот стремглав полетим в нее! «Страшно становится, — говорил Гроссу Богдаш[евскому], — при мысли, какой адский план был задуман левыми, дабы посрамить правых». Они, в самом деле, ждали, что Б[арвинок] добьется своего, и Синод не утвердит избрание правых во главе с ректором, что будет страшнейшим скандалом.

Как волновалась благонамеренная киевская публика при известии «К[иевской] м[ысли]» об утверждении Барвинка, судите вот почему. ||

л. 41 об. Приехала на дачу в Святошино жена Сокольского к отцу, Д. Ф. Дмитреву и привезла «К[иевскую] м[ысль]». — Все заволновались: «Как, что?! Не может этого быть!.. Ведь это же позор!» Юный Л. Д. Дмитриев говорил, что известие «К[иевской] м[ысли]» так его поразило, как будто он лично потерпел поражение... — Заволновались и наши монахи о. Амвросий и о. Аполлинарий; посему лишь только м[итрополи]т объявил о подписании указа в мою пользу, сейчас же, прямо с вокзала, примчали ко мне радостные и торжествующие, опять как будто дело их лично касалось...

«К[иевская] м[ысль]» так и не исправила ошибку. А в «Киевл[янине]» ныне появилась заметка обо мне.

Благодатная помощь, ниспосланная мне св. Иосифом, настойчиво побуждает меня выпустить в свет его житие теперь же. Пожалуйста, наведите справки, о коих я просил Вас. Да, кстати, справьтесь: не войдут ли в «Донские дела», изд. Арх[еологической] к[омиссией], послания Иосифа к казакам на Дон, если они существуют и уцелели?

Ваш Н. П.

PS. По богинечке Киев скучает, чудная сейчас погода!

№ 19 от 15 мая 1912 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 42

Ну, начали же припекать меня!

Вчера Успенский говорит: «Что Вы такое распускаете о Глубоковском?» — «Ничего не распускаю, даже не знаком с ним». — «Как же! Он пишет Д. И. Богдашевскому об этом» — «Как так?» — Усп[енский] объясняет, что Г[лубоковский] написал Богдаш[евскому], что он очень огорчен известием, будто П[альмов] сплетает что-то ложное о его, Г[лубоковско]го, работе по части биографии Смарагда, архиеп[ископа] Астраханского.

Очевидно, новый выпад г. Барвинка против меня!..

Так как я ничего не сплетал против Г[лубоковско]го, напротив, очень интересуюсь, || как он решит вопрос о происхождении Смарагда от иудеев, да и вообще уважаю глубокую эрудицию сего мужа, — я решил написать письмо Г[лубоковско]му с объяснением, какова была канва, на которой Б[арвинок] разрисовывает свою брехню. Написал и послал сегодня. л. 42 об.

В тот самый день, как мне надо было читать 2-ю лекцию, прихожу к У[спенскому] в канцелярию и застаю там Б[арвин]ка. Познакомились. Беседуем с У[спенским]. Приходит Прилуцкий. Б[арвинок] начинает его спрашивать про портрет Смарагда в Конгрегац[ионном] зале, а затем прибавляет, что лучший портрет находится в квартире ректора, у них (обращаясь ко мне), в семинарии. — «Не для проф[ессо]ра ли Глубоковского Вы собираетесь сделать фотографию Смарагда?!» — «Да». — «Так Вы обратитесь к Л. Д. Дмитреву, он Вам || поможет, т[ак] к[ак] сам л. 43 собирает материал о Смарагде, по поручению Г[лубоковско]го». Когда я говорил это, я заметил, что Б[арвинок] впал в некое смущение. Я понял причину сего: «Голубчик, — думаю, — попался мне — сам показал воочию свою систему услужливости». Но тут я ничего, кроме выше прописанного, не говорил. А уже после посмеялся с Дмитриевым над Б[арвинком]. Не думаю, что Д. кому-нибудь передал содержание нашей игривой беседы⁷⁶. Но Б[арвинок], попавшись, вздумал теперь впутать в историю Г[лубоковского], как впутывает и других, не повинных людей.

Вот я и написал Г[лубоковско]му, как было дело в канцелярии, и что никакого злоумышления против него у меня не было, да и быть не

⁷⁶ Да даже если бы, допустим, и передал: свою речь я вел о Б[арвинке], а не о Г[лубоковском].

л. 43 об. могло, и пусть он не верит слухам, будто я неодобрительно отзываюсь о его работе. Не мог я никак отзываться о ней уже потому, что лишь однажды держал брошюру || Г[лубоковско]го в руках — лишь бегло с ней ознакомился, хотя Смарагдом сам интересуюсь, ибо С[марагд] служил в А[страха]ни, когда дед мой был соборным ключарем.

Вы знакомы с Гл[убоковским]? Пожалуйста, при случае вразумите его, что я не принадлежу к типу людей, действующих из-за угла, и его, Г[лубоковско]го, ученые заслуги в[есьма] чту.

Ведь вот какие бывают люди!!!

Однако, слыша теперь много пакостного о себе, я радуюсь почему-то!

Ныне поеду к м[итрополи]ту. В субботу были у него Иннок[ентий] ректор, Богдаш[евский] и Голубев. Иннокент[ий] благодарил м[итрополи]та за увольнение Э[кземплярско]го и за мое утверждение («земно, — сказал, — кланяюсь за утверждение П[альмо]ва»). О том, что писал Глуб[оковский] Б[арвин]ку, Б[арвинок] сам мне не говорил, хотя я и сидел долго вчера у него и даже обедал (ректора не застал дома). Это сказал мне Усп[енский], да еще Голубев.

Будьте здоровы!

Ваш Н. П.

№ 20 от 15 июля [1912 г.] Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 62 Дорогой Алексей Афанасьевич!

Открытку Вашу имел удовольствие получить ныне, 15 июля.

Спасибо!

Приятно было узнать, что Вы устроились в Эссендуках хорошо и, видимо, благодумствуете, набираясь сил для трудового года. Теперь, вероятно, уже совсем не жалеете, что избрали местом отдохновения Кавказ, а не астраханские палестины. Ох, как палит здесь солнце, и какое злосмрадие порождает его лучи! Надо быть до мозга костей астраханцем, чтобы мириться с «прелестями» астраханского лета... ||

л. 62 об. Накануне Вашего письма я получил письмо от богини с приказанием разыскать Вас и передать Вам письмо или переслать. Так как первого, т[о] е[сть], розыска, произвести нельзя было, то я переслал письмо заказным, по адресу: Эссендуки, Терск[ая] обл. Конечно, Вас не замедлят отыскать — петербургского генерала. Но буде не разыщут, понаведай-

тес в почтовую контору в Ессентуках и спросите заказное письмо на Ваше имя из А[страха]ни за № 361 (квитанция).

Назначение Феофана⁷⁷ весьма удручает астраханцев, как Вы и предположили⁷⁸. Папа ходит сердитый и нервничает. Особенно удивляет одних, а других возмущает то, что Феофан не ответил на приветственную телеграмму, посланную || ему Консistorией в понедельник л. 63 9-го июля, по получении указа из Св. Синода о назначении Феофана. Консistorия в полном составе с секретарем поздравляла Феофана и испрашивала благословения для епархии, а Феофан молчит... Может быть, не думает ли отказаться от А[страха]ни и посему безмолвствует? Дал бы Бог! А тем временем викарий Иннокентий «проявляет себя» и кладет резолюции на консistorских журналах и протоколах странные, незаконные и обидные, вымещая тем, очевидно, Консistorии за малый респект, какой она ему доселе оказывала, а может быть, и заглушая обиду, какую испытывает Иннокентий, не попав — сверх ожидания — в самостоятельные архиереи и очутившись на старости лет помощником у Феофана (Иннокентию 46 лет, Феофану 39)⁷⁹. Вы бы похлопотали у

---

⁷⁷ Феофан (Быстров Василий Дмитриевич; 1872–1940), архиепископ — выпускник СПбДА (1896); магистр богословия (1905), ректор СПбДА (1909) в сане епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии; духовник царской семьи; епископ Таврический и Симферопольский (1910). С 25 июня 1912 г. епископ Астраханский. В дальнейшем епископ Полтавский и Переяславский (1913), с 1918 г. архиепископ. С 1920 г. в эмиграции, член Заграничного Синода (до 1926 г.), с 1931 г. жил во Франции затворником в пещере.

⁷⁸ Еп[ископ] Палладий, которого я просил особым письмом, с приложением к оному лекции о визант[ийском] архитект[урном] стиле, известить, кто будет назначен в А[страха]нь, так и не соблаговолит известить. Очевидно, возомнил себя, приехав в С[анкт-]П[етер]б[ург] и сев в Синоде, *persona grata!*). — *Прим. Н. Н. Пальмова.*

Палладий (Добронравов Николай Константинович; 1865–1922), епископ — выпускник МДА (1891), во время обучения был пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха; был смотрителем Коломенского и Звенигородского ДУ, преподавателем Вологодской, Могилевской и Тульской ДС; наблюдателем миссионерских курсов при КазДА в сане архимандрита (1897); ректором Литовской ДС (1899); с 1899 г. магистр богословия. С 1903 г. епископ Вольский, с 1908 г. Пермский и Соликамский, с 1914 г. Саратовский и Царицынский, с 1917 г. Сарapulьский и Елабужский; с 1918 г. управляющий Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем, в 1919–1922 гг. настоятель Новоспасского монастыря.

⁷⁹ Иннокентий тоже посылал поздравительную телеграмму Феофану и тоже не получил ответа. Иннокентий объясняет это желанием Феофана сокрыть день своего

л. 63 об. м[итрополита] Антония, если в || самом деле Феофан уйдет на покой, назначить в А[страха]нь Кириона. Человек живой, энергичный, займется миссией, станет ездить по степям, а архиерейским богатствам, по своей бессребренности, даст должное употребление на нужды просвещения (куда доселе направлял свои деньги) и на благотворительность. Какой он убийца? — оболгали и обидели его! Такой бескорыстной души человек не может быть злодеем! А чем он виноват, что имеет сердце, горячо любящее родину — Грузию? Нам бы не укорять его надо за то, а учиться у него патриотизму...

Из Мин[еральных] Вод на Москву Вам надо выезжать только с поездом № 1 в 9.40 вечера. Он едет без пересадки, имеет спальные казенные вагоны, с Ростова — ресторан, а в пути до Москвы 37 ч. 16 м. Приходит на третий день (послезавтра) в М[оскву] в 10.56 у[тра] по с[анкт-]п[етерб[ургскому] времени. Плата в 1 кл. 29 р. 55 к.; во 2 кл. 17 р. 75 к. За спальное место — приплата: в 1 кл. 13 р. 5 к.; во 2 кл. 9 р. 80 к. Итого: в 1 кл. 42 р. 60 к.; во 2 кл. 27 р. 55 к. Большая приплата полагается потому, что едете в спальном, комфортабельно устроенном вагоне. Но если бы не захотели воспользоваться комфортом, кажется, есть простые вагоны, где берется лишь плацкарта за две ночи (3 р.) к основной плате (т. е., л. 62 22.55+3 и 17.75+3). Об этом надо уже || на месте, на станции, справиться. Слышал я, что ввиду бойкого спроса на билеты необходимо заблаговременно записаться в городской (или вокзальной?) конторе. Иначе легко оказаться без билета и даже в 1 кл. и в спальном вагоне.

Обрате Вашем, о. Н[иколае], папа сообщил вести малоутешительные: выведена была на справку неоконченная подсудность гражд[анскому] суду, которую нельзя было скрыть, т[ак] к[ак] она отмечена в бумагах⁸⁰. И потому в Учил[ищный] еп[архиальный] совет К[онсисто]рия написала, что дел по епарх[иальному] суду за ним не состоит, а чем окончено гражд[анское] дело, К[онсисто]рии не известно (хотя трижды К[онсисто]рия запрашивала в подлежащем гр[ажданском] учреждении). Несмотря, однако же, на сердитое по сему случаю настроение папы, удалось осторожно выудить

приезда в А[страха]нь, и явиться «яко тать в нощи». На предположение же некоторых, что Ф[еофану] надо время «собраться», Иннок[ентий] отвечает: чего ему собираться, у него ничего нет, кроме рясенки и чемоданчика... — *Прим. Н. Н. Пальмова.*

⁸⁰ Дмитриевский Николай Афанасьевич, священник Иоанно-Предтеченской церкви села Теплинского 1-го округа Красноярского уезда Астраханской епархии.

его личный взгляд, что дело еще не проиграно даже и теперь. О последующем сообщу Вам.

Пока же — благодушествуйте! Папа благодарит Вас за поклон и посылает Вам сердечный привет.

Всяких благ! Ваш Н. П. ||

PS. Буде представится случай увидеть Глубоковского на Кавказе, л. 63 об. пожалуйста, скажите ему, что чрез Л. Д. Дмитрева, работающего сейчас в С[анкт-]П[етер]б[урге] (адрес: Гончарная, 14, «Националь», до 25.07), я послал ему перечень дел архива Астрах[анской] к[онсисто]рии, каковые дела могли бы быть полезны ему при составлении сведений о астраханском периоде службы архиеп[ископа] Смарагда Крыжановского, к каковому периоду Гл[убоковский] переходит, судя по июль-августовской книжке «Х[ристианского] ч[тения]»⁸¹. Экстракт из отмеченных у меня дел Гл[убоковский] легко мог бы иметь, как я пишу ему.

Н. П. ||

PPS. А искомые документы об Иосифе я-таки обрел! И — в неожиданном по числу количестве: семь штук! Из них напечатан один документ — грамота Иосифа ц[арю] Ал[ексею] М[ихайлови]чу. О пении молебнов в 1662 г. документы нашлись в соборе. На сей раз о. Н. Ив. Летницкий повел меня самого в соборную библиотеку и допустил к самим бумагам: «Ищите, я не умею читать старинные крючки», — сказал о. кафедральный протоиерей)... ||

Теперь время приезда в А[страха]нь Иосифа после хиротонии устанавливается с приблизительной точностью — не позднее 1657 г., ибо от сего года грамота к нему в А[страха]нь от Никона. Интересен документ с перечислением рыбных продуктов, посланных Иосифу в Москву из А[страха]ни в 1663–1664 гг. А прочие касаются судебных дел с монахами Троиц[кого] м[онасты]ря, с ссыльным духовенством и по духовным завещаниям. Документы отдал уже в ред[акцию] «А[страханских] еп[архиальных] вед[омостей]»: они составят приложение к добавленной

⁸¹ Глубоковский Н. Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский) на Харьковской кафедре // Христианское чтение. 1912. № 7/8. С. 791–820.

Эта статья — фрагмент труда Н. Н. Глубоковского, публиковавшегося в «Христианском чтении» в 1899–1914 гг., а затем особым изданием: Глубоковский Н. Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский: Его жизнь и деятельность. СПб., 1914.

кой-чем статье об Иосифе, перепеч[атанной] из «Р[уководства] д[ля] с[ельских] п[астырей]».

Н. П. ||

л. 62 РРРР. В «Христ[ианском] чт[ении] (июль-авг[уст]) прочитал, что доц[енту] Малицкому вместо испрашиваемой большой суммы денег на заграничную поездку Святейший Синод «по бывшим примерам» ассигновал 600 р. (с сохранением доцентского жалованья)⁸². Не далеко уедешь теперь на сию сумму и не много увидишь. Но если столько Синод ущедрился отпустить петербургскому доценту, то сколько же отпустит провинциальному?!...

Н. П.

№ 21 от 2 августа 1912 г. Астрахань.

л. 44 Дорогой Алексей Афанасьевич!

Спасибо за письмо и за вести, в нем сообщенные. Жаль, что не хотите замолвить доброе словечко за преосв[ященного] Кириона. Хороший он человек, и если не попал в А[страха]нь, то хотя бы какую-нибудь кафедру ему дали. Думаю, что в Херсонесском монастыре он бедствует, находясь в числе рядовой братии. Получает ли даже пенсию, не знаю!

Астраханский владыка Феофан, наконец, соблаговолил прислать ответы на поздравления — викарию и Консistorии. Первого благодарил и обещал известить о дне выезда из Симферополя, вторую тоже благодарил и прибавил к благодарности слова: «Господь благословит люди своя миром». Хорошо ответил! Телеграммы присланы по возвращении || л. 44 об. Феофана из С[анкт-]П[етер]б[урга] в Симферополь. Доселе, однако, ничего не известно о времени приезда владыки, и епархией управляет Иннокентий⁸³. Держится он гордо, приспешникам своим бранит астра-

⁸² Малицкий Николай Владимирович (1881–1938) — выпускник СПбДА (1905), по окончании преподавал в ней латинский язык, с 1911 г. — церковную археологию, был хранителем академического церковно-исторического музея; магистр богословия (1918). После закрытия ПгДА преподавал в Петроградском университете, работал в Государственном институте истории искусств, Русском музее, заведовал фотоархивом Государственной академии истории материальной культуры, входил в состав Русско-византийской историко-словарной комиссии. В 1933 г. был арестован по «делу славистов», приговорен к трем годам ссылки, вторично арестован в Петрозаводске, умер в заключении.

⁸³ Иннокентий (Кременский Иван Павлович; 1864–1917), епископ — выпускник КазДА (1892); преподаватель ряда духовных школ, ректор Томской ДС (1901); настоятель

ханское «старье», занявшее главнейшие места по управлению епархиальному, и, видимо, даже не допускает и мысли, что Синод готовит ему нахлобучку за отсутствие распорядительности при провозе тела пр. Георгия в А[страха]нь. Между тем, теперь выясняется окончательно, что Иннок[ентий] ненавидел Георгия и вследствие этого так отнесся к его похоронам, сваливая ответственность на Синод: «Синод мне никаких указаний не сделал!». Прот. Нагровский, говоривший речь над гробом Георгия, до последней минуты не знал, разрешено ли ему сказать слово. И когда чрез ключаря Иннокентий затребовал Н[агровско]го к себе и спросил — «будете говорить?», Н. должен был || ответить, что нарочи- л. 45 то не готовился и не писал проповеди. Тогда Инн[окентий] благословил его говорить экспромтом, прибавив: «Только лишнего — понимаете? — лишнего не надо!». Свое молчание про гроб Георгия Иннок[ентий] прямо объясняет: «Что мне сделал хорошего Георгий? За что я стал бы благодарить его?».

Действительно, прогневался Господь на астраханцев, посылая им владык один другого хуже! Успенский мне недавно писал⁸⁴, что пр. Платон, будто бы, сам отказался от А[страха]ни и предпочел снова ехать в Америку... Я думаю, что это брехня; не отказался бы Пл[атон] уже потому одному, что Астрахань дает архиерею изрядный прибыток, к которому ни один, кажется, владыка не равнодушен.

В период междуархиерейства в духовном мире астраханском царит застой. Но будто бы свободомыслящая группа иереев (во главе с И. И. Саввинским⁸⁵) что-то замышляет для предстоящей предвыборной

Спасо-Мирожского (1903) и Московского Высоко-Петровского (1904) монастырей; епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии (1908); с 28 июля 1911 г. епископ Царевский, викарий Астраханской епархии. В дальнейшем епископ Вольский, викарий Саратовской епархии (1917).

⁸⁴ Сей муж — единственный, который подал мне, и то вчера только, краткую весть из Киева. Вообще сим летом не баловали меня «приятели» вестями. Вы писали, да еще из С[анкт-]П[етер]б[урга] деловые письма. Писал Л. Д. Дмитрев, который, между пр[очим], очень благодарен Вам за разрешение заниматься в Вашей Палест[инской] биб[лиоте]ке. Она дала ему что-то такое очень ценное, что он давно разыскивал... — Прим. Н. Н. Пальмова.

⁸⁵ Саввинский Иоанн Иосифович (1856–1919(?)), протоиерей — выпускник КазДА (1885), преподаватель Астраханского ДУ и Астраханского ЕЖУ; с 1887 г. священник, с 1894 г. служил при кафедральном Успенском соборе и был членом Духовной консистории, с 1903 г. в сане протоиерея. После революции продолжал активно участвовать в

л. 45 об. в Думе борьбы, совпадающей со временем обще-епархиального съезда. Георгию все-таки удалось несколько || поукротить левых на съезде, Феофану едва ли это удастся, т[ак] к[ак] всей тонкости политики духовных кадетов он не уразумеет. Викария же кадеты успели оплести, играя на струнке уязвленного архиерейского самолюбия.

На днях освободилось место епарх[иального] наблюдателя за выходом Юницкого в М[инистерство] н[ародного] пр[освещения] в инспектора народной школы. Иннок[ентий] рад, т[ак] к[ак] Ю[ницкий] был врагом ему еще с Костромы.

Еще что сказать Вам? — Пыль, присоединяющаяся к жару, прямо делает нестерпимым житие обывателей града А[страха]ни, которые судьбой прикованы к нему... 10-го я выеду в Киев, дабы там в уединении до начала лекций (никто не будет официально знать о моем приезде) продолжать писать сочинение. Программу лекции я всю наметил, широко используя Диля и Флетчера, которых от доски до доски проштудировал. Пожалуйста, не откажите пробежать программу мою; я пришлю ее из Киева. Имейте в виду, что Титов будет обязательно придирааться к ней, как придирался в прошлом году к программе Чернышева⁸⁶: мала-де содержанием...

л. 46 Вообще, скажу я Вам, с приближением начала учебного года на меня нападает какое-то беспокойство, и я не могу от || него освободиться. Будущее рисуется мне в довольно мрачных красках. Враждебное отношение левых профессоров и возможный бойкот со стороны студентов — вот что впереди... Необходимо учитывать и злобу Барвинка, в которой, говорят, он столь же последователен, сколь последователен и настойчив при достижении вообще своих целей, не гнушаясь никакими средствами... Как я браню себя за оплошность с выступлением в качестве кандидата на профессорскую должность. Что я получил, кроме душевного смятения в данную минуту и полной неизведанности того, что впереди?! Уходить, должно быть, надо от греха из академии в учительшки гимназии, где так хорошо теперь оплачивается служба и куда бегут обездоленные наставники дух. училищ и семинарий! Идти

церковной жизни Астрахани, возможно, 23 июня (6 июля) 1919 г. был расстрелян вместе с митрополитом Астраханским Митрофаном и группой духовенства.

⁸⁶ Юницкий Александр — епархиальный наблюдатель астраханских церковно-приходских школ.

в священники или в монахи, — право, поверьте, — не могу. Люблю и чту эти свящ[енные] звания и состояния, но сам душою далек от них, насмотревшись вдоволь и вблизи, и издали на угнетенное состояние наших отцов и братьев-священников, и убедившись, что монашеский мир есть мир интриг и сплетен, как охарактеризовал его с откровенностью о. Антоний. Моя || мера — жить скромным частным человеком и зани- л. 46 об.
маться научно-литературным трудом. Но без службы это сейчас невозможно для меня. Профессорская служба — что говорить, — лучшая из служб, но видите сами, как для меня складывается сия служба. Ст[епан] Т[имофеевич] говорил: «Тебе скакать надо от радости», а я не могу этого сделать, ибо самой радости нет в сердце, — одна горечь. Серое существование было в семинарии и каторжный там труд был вдалбливать в тупые и упорные головы учеников знания, — но все-таки это лучшим представляется теперь. Главное — нет опоры в надежных людях; всюду в Киеве они поизмельчали, хотя считаться с ними приходится уже потому одному, что мелкие люди обычно имеют длинный язык...

Я предвижу, что Вы скажете: надо теперь писать и печататься, как можно больше. Стараюсь и скажу прямо, что это лето я работал как вол, не зная отдыха. Отдыхал, выражусь по-Филаретовски, на разнообразии занятий (и сочинение, и лекции, и м[итрополит] Иосиф). Скажу, что удачен я был в работе, а на издание биографии м[итрополита] Иосифа с рисунками утвари его получил от некоего купца право на денежную сумму в безграничном размере... Но ведь вот судьба моих писаний: «Не сам пишет!» Сам я способен, как доложили владыке Антонию, на одни безобразия!..

Словом, перспектива впереди — чреватая всякими возможностями! Приходится уповать только на Бога и святых Его. ||

Желаю счастливого пути в М[оскву] и С[анкт-]П[етербург]. В Мо- л. 44 об.
скве Вас, м[ожет] б[ыть], будет интервьюировать касательно службы на храмовый праздник Софии о. игумен Никанор, заведующий Хлуд[овской] б[иблиоте]кой, по моему совету. Никанор — личность незаурядная. Он окончил академию 1-м, мечтал о профессуре, но не попал. С горя, говорят, пошел в монахи, что далось ему также не без труда. Гордость и самолюбие, кажется, главные «пункты» в сем иноке. Но мне он нравится.

Всяких благ!

Ваш Н. П.

PS. Привет Вам от папы.

PPS. Могу Вам презентовать снимки с жезлов астраханских архiereев, с двух иосифовых и с одного раннейшего. Иосифовы жезлы имеют змеев с главами, обращенными друг к другу, а раннейший жезл устроен так: ↑. По одним, он Феодосия, по другим — Макария⁸⁷.

№ 22 от 12 января 1913 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 47

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Еще раз благодарю Вас сердечно за поздравление ко дню моего ангела⁸⁸ и за новости.

С 5 янв[аря] я в Киеве, но на лекции еще не являлся. Предполагаю пойти 14 генваря. Я сильно занят обработкою первой главы о происхождении чина, о составных его частях и изложении в || (л. 47 об.) «Небесной иерархии» и в древних Евхологиях: Порфирьевском и Барбериновском.

Любопытнейшие получаются заключения. Вместо Пахомия Египетского, как мне казалось раньше, родоначальником греческого чина надо признать Василия В[еликого]. Это — доказанный факт! Затем, пред временем Феодора Студита, когда стало складываться учение о μεύα οχημα, как о δεύτερα βάλτισμα, стал формироваться и чин пострижения.

л. 48 Но окончательно || сблизил его с крещальным чином если не сам Феодор С[тудит], то его ученики и последователи...

К Масленице хотелось бы закончить всю работу и лично представить вам в С[анкт-]П[етер]бурге, куда надо было бы приехать для венедианских изданий Евхология.

На днях виделся в Киеве с Пиромаллисом⁸⁹, не застав его в Воронеже 4 янв[аря]. Ему я поручил проверку греческих текстов по снимкам с л. 48 об. них. Это уже, по числу, будет третья || проверка — последняя. Греческих приложений будет листа на 4, да славянских на 5–6.

Немалое предвидится затруднение с типографией. Кульженко, у которого я наметил печатать, отказывается, ибо не располагает столь большим количеством греческого и старославянского шрифта. Кор-

⁸⁷ Архиепископы Астраханские Феодосий (1602–1606) и Макарий (1629–1638).

⁸⁸ 6 декабря (ст. ст.) — день памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских.

⁸⁹ Пиромаллис Эммануил — грек, уроженец острова Патмоса, выпускник КДА (1899), кандидат богословия.

чак-Новицкий, а тем паче Лавра завалены работой — первый для университета, вторая — для себя и Титова. Хотелось бы скорее напечатать. Для сего придется прибегнуть к || двум типографиям: в одной печатать л. 49 приложения, в другой — исследование. Для приложения все-таки лучше остановиться на К[орчак]-Новицком, чем на Лавре. А исследование может напечатать — хоть и неважно, но зато скоро — П. Барский, у которого печатаются «Труды К[иевской] д[уховной] академии».

Фотокопий не будет: на что они? И без того печатание обойдется дорого, а излишняя при этом роскошь — не к лицу || получающему ни л. 49 об. щенский доцентский оклад жалованья. Пусть ценят внутреннее содержание — труд долгих лет, — труд, не легко поддавшийся обработке, — труд головоломный и добросовестный.

Спасибо за содействие по скорой присылке из Ак[адемии] наук листков пергам[ента] с чином пострижения.

Сейчас жду от гр. Уваровой небольшой рукописи с рассуждением о схиме, как о таинстве, и сим покончу. Уже в Москве || все обшарил за л. 50 последнюю поездку, во время которой имел удовольствие близко познакомиться с Н. Н. Глубоковским и его женой. Особенно трогательную заботливость проявили они оба во время постигшей меня в Москве болезни, захваченной в холодном помещении Синод[альной] б[иблиотеки].

Касательно зрения могу порекомендовать простое средство, прописанное мне в Астрахани докт[оро]м М. В. Бадмаевым. Средство прекраснейшее! Набрать пригоршни самой холодной воды и || омакать в л. 50 об. нее открытые глаза трижды, по секунде. В неделю это делать три раза. Кровь отливает от зрительного нерва. Очень хорошо на меня действует это средство. А для вящего отлива крови Бадмаев порекомендовал не банки (Думитрашко), а ледяной воды ножные ванны. Это — довольно сложная штука, и я еще к этому не прибегал за неимением нужды.

Богом-целителем глазных болезней называют Гиришмана, харьковского окулиста-профессора.

Похлопочите о хорошем архиерее для А[страха]ни и передайте поклон от меня Анаст[асии] Ивановне.

Будьте здоровы. Ваш Н. П.

№ 23 от 7 июня 1913 г. Св. Троица. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 51

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Самая судьба наводит на то, чтобы я зарабатывал славу (!) Вашими руками.

Дело в том, что мне хочется документально доказать важность Барбер[ериновского] Евхол[огия] VIII–IX вв. для истории коронац[ионного] обряда. Но Пальмиери⁹⁰, прислав фотографию с нескольких страниц из Евхология, не прислал конца, и я имею страницу, обрывающуюся на за-
л. 51 об. метке о Причастии императора || преждеосвященными Дарами: καὶ μετὰ τοῦτο ποῖον προῦιασμένα (с. 362)⁹¹ — дальше нет!

Вероятно, Вы имеете список с этого чина? Пожалуйста, взгляните на конец этого чина: что следует за вышеприведенными словами? Скандал, если Миропомазание!..

Запрашивал телеграммой Пальмиери (по 17 коп. слово, в Рим), но телеграмма его в Риме не нашла.

Справочку будьте добры прислать поскорее, ибо надо иметь ее до Совета.

Ныне в Софии служит патриарх⁹². Часть возгласов делал по-арабски, || часть — по-славянски. Молитв на вечерне не читал, — читали архимандриты. Интонация у патриарха мне очень понравилась, и голос — приятный.

---

⁹⁰ Пальмиери Аурелио (Palmieri Aurelio; 1870–1926) — католический богослов и ориенталист, специалист в области православной догматики, экклезиологии, сакраментологии и русской культуры; тесно общался со многими представителями российских духовных академий; состоял в ордене августинцев, но за сочувствие движению «католического модернизма» был вынужден покинуть орден, был запрещен в священнослужении, а впоследствии предан суду за нарушение монашеских обетов и вступление в тайный брак.

⁹¹ По новой нумерации фрагментов, это 172 элемент. Подробнее см.: Евхологий Барберини гр. 336 / изд., предисл. и прим. Е. Велковской, С. Паренти; пер. с итал. С. Голованова; ред. рус. пер. Е. Велковской и М. Живовой. Омск: Голованов, 2011. С. 177–178 (рус. пер.) и 391 (греч. оригинал). — *Ред.*

⁹² Григорий IV (Хаддад Гантос Георгий; 1859–1928) — патриарх Великой Антиохии (1906–1928; остальными Восточными патриархами признан только в 1909 г.); в 1913 г. по приглашению императора Николая II пребывал в России почти пять месяцев (с 20 февраля по 11 июня), возглавляя церковные торжества по поводу 300-летия правления династии Романовых; за это время посетил святыни Петербурга, Москвы, Почаева, Киева, служил во всех российских лаврах; в Киеве пребывал с 15 мая и до 11 июня (3 июня посетил КДА).

Завтра патриарх служит в Братстве⁹³. Но почему-то доселе нам нет повестки. Неладное творится у кормила правления в академии. От того, что видишь и что слышишь, несказанно тяжело становится на душе.

Благодушествуйте и спасайтесь!

Ваш Н. Пальмов.

Приписка (на отдельном листе).

PS. Вот еще что. На выставке др[евне]-рус[ского] искусства в Москве л. 64 показывается славянский чин пострижения начала XIV в. — пергаменный, как об этом я прочитал в издании: «Выставка др[евне]-рус[ского] искусства» на с. 45⁹⁴.

Чинов XIV в. славянских у меня 4½, и хотелось бы воспользоваться этим новым, принадлежащим неизвестному лицу («из собрания ***»). Писал я в Москву Н. П. Попову — не отвечает. Ехать самому не хочется, тем более, что нужна || просто справка: насколько отличается новый л. 64 об. чин от известных мне. Не думаю, чтобы отличия были большие. Может случиться и то, что откажут дать его в руки...

Что посоветуете? У меня, впрочем, есть еще приятель в Москве, архим[андрит] Никанор, завед[ующий] Хлудов[ской] б[иблиотекой]⁹⁵. Не послать ли ему свой текст, чтобы он сличил его с текстом чина на выставке?...

П.

⁹³ Киевское Религиозно-просветительское братство, членами которого являлись многие преподаватели КДА.

⁹⁴ Выставка древнерусского искусства открылась в Императорском Археологическом институте в Москве в середине февраля 1913 г. и проходила в рамках празднования 300-летия Дома Романовых. Это была первая общедоступная выставка, на которой русской публике была представлена древнерусская иконопись из частных коллекций (прежде всего, из собраний Н. П. Лихачева, И. С. Остроухова и С. П. Рябушинского) (см.: Выставка древнерусского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия царствования Дома Романовых. [Каталог]. М., 1913).

⁹⁵ Никанор (Кудрявцев Николай Павлович; 1884–1923), епископ — выпускник МДА (1909), ее профессорский стипендиат; с 1910 г. и. о. казначея и заведующий Хлудовской библиотекой Никольского единоверческого монастыря; с 1911 г. настоятель этого монастыря; в 1921 г. хиротонисан во епископа Богородского (единоверческого), викария Московской епархии; в августе 1922 г. по прошению уволен на покой с оставлением настоятелем Никольского единоверческого монастыря.

Хлудовская библиотека была открыта при Никольском монастыре в 1883 г. и содержала богатую коллекцию греческих и славянских рукописей и старопечатных книг богослужебного, догматического, поучительного и исторического содержания, пожертвованную благодетелем А. И. Хлудовым.

№ 24 от 16 июня 1913 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

л. 53

Дорогой Алексей Афанасьевич!

Ныне в 2 ч. дня состоялось поднесение о. Д. И. Богдашевскому сборника статей, напечатанного в честь Д[имитрия] И[ванови]ча.

Приехал митрополит (с секретарем Ал. Пол.). К приезду м[итрополи]та собрались уже все правые профессора, о. И. Н. Корольков и Ф. Я. Покровский.

Речь держал С. Т. Голубев, а книгу подносил Н. С. Гроссу. Г[олубев] говорил о заслугах для академии Д[имитрия] И[ванови]ча, который отдал себя ей, полюбив ее любовью паче всякой иной любви. Высокий на-
л. 53 об. учный авторитет Д[имитрия] И[ванови]ча признан || таким компетентным судьей, как арх[иепископ] Антоний Волынский... В ознаменование юбилея ученики, сослуживцы и почитатели подносят свои научные труды Д[имитрию] И[ванови]чу потому, что это — лучший способ выражения чувств со стороны служителей науки своему собрату...

Далее шли пожелания.

Богдаш[евский] отвечал, что заслуги его для науки незначительны и силы слабы. А если что сделал, то — «Богу содействующу». Потом была предложена роскошная трапеза. Масса икры, отличная холодная рыба, уха, котлеты, ягоды и шампанское. Первый тост Богд[ашевский] провозгласил за митрополита. Пели «Мн[огая] лета» 3-жды. ||

л. 54

Митр[ополит] провозгласил тост за Богд[ашевского] в очень теплых выражениях.

Потом говорил Гроссу о духовных связях собравшихся с юбилеем. Небольшая это группа, но тесно сплоченная. В ответ на речь Гроссу говорил Богд[ашевский] очень трогательно о связях своих с академией и лично с Гроссу — лучшим своим советчиком и благожелателем, которому можно открыть сердце. Это была лучшая речь по своей трогательности... Говорил и ректор, чуть не заставив всех засмеяться. Он хвалил Д[имитрия] И[ванови]ча как хорошего помощника себе по трудному делу управления академией в течение 3-х лет. ||

л. 54 об.

После обеда митр[ополит] присидел с ½ часа и рассказал, как греки выгнали из Киев[ского] подворья арх[имандрита] Амфилохия, и как к нему, м[итрополи]ту, приходила особа женск[ого] пола, у которой А[мфилохий] оставил нижнее белье, — объясняться...

По отъезде м[итрополи]та еще сидели и беседовали, а затем стали расходиться. Я ушел в 6½ ч. Гроссу же, Крыловск[ий] и др[угие] остались играть в карты.

Теперь вернусь назад. В четверг к м[итрополи]ту ездил Гол[убев] просить благословения на поднесение сборника. М[итрополи]т спрашивал, какое настроение у Богд[ашевского] касательно монашества. Гол[убев] сказал, что Б[огдашевский] уже склонился к принятию || его. л. 55
Услышав это, м[итрополи]т перекрестился и сказал: «Слава Богу». Это было так трогательно, — гов[орил] Г[олубев], — что нельзя было не прослезиться».

В пятницу ездил к м[итрополи]ту сам Богд[ашевский] приглашать на обед и очень долго сидел у м[итрополи]та, так что на бывшее в тот вечер заседание приехал из лавры после начала, к 8 часам вечера, а поехал к м[итрополи]ту в 6.

О чем они говорили, знают только приходившие к Богд[ашевскому] после Совета Гроссу и Гол[убев]. Но Богд[ашевский] явился в Совет веселый очень от митрополита. ||

На сем же заседании выбирали стипендиатов и оставили 4-х вви- л. 55 об.
ду того, что никого не оставляли в прошлом году. Вторым вышел Дмитриев, которого командировали в Константинополь. Д[митре]ва приписали к кафедре Мищенко, хотя М[ищенко] хотел сплавить Д[митре]ва ко мне... На вопрос же Д[митре]ва, чем заняться в К[онстантинопо]ле, М[ищенко] советовал обратиться к руководству Успенского⁹⁶, а лично от себя порекомендовал обрабатывать сочинение о венчании на царство в Византии и изучить какую-нибудь систему науки церк[овного] права. Итак, год окончен. Что-то впереди?! — Во вторник утром еду в А[страха]нь.

Привет богине. Будьте здоровы. Ваш Н. П.

№ 25 от 15 марта 1914 г. Киев, Золотоворотская, д. 6

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 58

Сердечно приветствую Вас с днем ангела и от души желаю всяких благ, прежде же всего здоровья и восстановления зрения чрез точное соблюдение всех докторских предписаний.

⁹⁶ Успенский Федор Иванович — директор Русского Археологического института в Константинополе.

Благодарю Вас за присылку Ваших интересных брошюр. Назначенные другим лицам брошюры мною розданы по принадлежности.

л. 58 об. В. Н. Кулаков⁹⁷ передавал мне Ваше огорчение по поводу || медленного печатания диссертации. Я сам болею от этого. Но ничего сделать не могу, так как текст труден для печатания типографии даже Чоколова — образцовой в Киеве типографии.

В конце января напечатаны 1–70 страницы греческого текста приложений, а с конца февраля по нынешнее число 1–170 страницы исследования. До Пасхи еще напечатают страниц 50. Это составит две первые главы: происхождение чина пострижения в монашество и чин до Феодора Студита — глава I, а чин великой схимы — глава II. ||

л. 59 Малая схима и рясофор дадут еще 120 страниц, которые, конечно, будут готовы к 1 мая — не позже.

Эти 300 страниц исследования и 70 страниц греческого текста и представляю в виде первой части истории чинопоследования м[онаше]ского пострижения.

Для второй части имеется материал не меньше этого... То, что читал я Вам в Астрахани, весьма изменилось при печатании, как со стороны содержания, так и со стороны формы словесного выражения. ||

л. 59 об. Прибавилось много текстов греческих и старославянских в параллели. Изменились частные суждения, напр[имер] о пении «Елицы во Христа», об авторах канонов и др.

Особенного труда потребовали розыски автора кондаков по 6 песни в каноне схимы по Евхологию № 100 XIII в. библи[отеки] монастыря св. Креста. И розыски привели к находке, что эти кондаки принадлежат Роману Сладкопевцу. Они изданы Питрой в I т. *Analecta*⁹⁸. ||

л. 60 Много, словом, добра привнесено еще мною в исследование. Будь бы свободное время, можно было бы украсить сочинение и другими разысканиями.

На страницах исследования нередки столбцы параллелей текста — 2, 3 и 4. Греческие тексты молитв и оглашений печатаются с вариантами по нескольким рукописям.

---

⁹⁷ Кулаков Владимир Николаевич — выпускник КДА (1906).

⁹⁸ *Analecta sacra (et classica) Spicilegio Solesmensi parata* / Ed. J. B. Pitra. T. I: *Patres Antenicæni*. Veneto, 1876.

Страница имеет у меня 41 строку, строка — 53 буквы. Таким образом, две мои || страницы равняются трем страницам «Трудов» академии. Словом, издание импонирует внешностью. л. 60 об.

Да вот скоро и Вы сами увидите, ибо Пасха близ есть, и Киев уже настроился на весну, так что Пасха обещает быть теплой и солнечной. К Вашему приезду все расцветет в Киеве, благодаря теплым дождям, которые теперь ежедневно проходят.

Тогда посвящу Вас и в академические дела, || о коих писать не со- л. 61
всем удобно.

Посодействуйте назначению в Астрахань хорошего архиерея. Дмитрий Абашидзе — замечательный администратор, и очень не прочь пойти в А[страха]нь. Если не его, то страдальца Кириона. Убогое житье того орла с перебитыми крыльями я видел собственными глазами. А преосв[ященный] Платон — не пошел бы он в А[страха]нь?

Впрочем, кого бы ни выбрали, лишь бы дельного и хорошего архиерея дали. ||

Богине низко-пренизко кланяюсь. Когда гнев ее преложится на л. 61 об.
милость? Пишу ей, но ответа не получаю. Здорова ли?

Ваших давно уже не видел: не имею времени выходить из дому, все сижу и пишу.

Еще раз всяких благ.

Ваш Н. П.

№ 26 от 8 мая 1914 г. Киев, Золотоворотская, д. 6. Л. 56–57 об.

Дорогой Алексей Афанасьевич!

л. 56

Сердечно благодарен Анастасии Ивановне и Вам за поздравление и за известие о награде дяде⁹⁹.

Можно и Вас поздравить? — Если да, то от души поздравляю.

Спасибо за письмо с указаниями относительно неудачного сочинения. Иным, впрочем, оно и не могло выйти, по понятным причинам.

Спрашиваете о дне диспута? Зачем Вам это? — В этом году диспут едва ли состоится, если и || вообще-то состоится. л. 56 об.

⁹⁹ Пальмов Илья Гаврилович (в 1913 г. 54 лет) — выпускник МДА (1885), кандидат богословия; был учителем по русскому и церковно-славянскому языку в Чебоксарском ДУ (1885), учителем русского языка в Астраханском ЕЖУ (1890), учителем по русскому и церковнославянскому языку в Астраханском ДУ (1891), его смотритель (1894) (РГИА. Ф. 796. Оп. 441. Д. 223. Л. 25–34).

Я очень болею. Нервы расстроились; ноет печень. На столе грома сочинений: 60 семестровых и 5 кандидатских. Левые точат зубы, чтобы если не так, как Кальнева осрамить¹⁰⁰, то — подобно тому. Уже Рыбинский, повертев книгу в руках, изрек в Совете: «Где же здесь исследование? Я вижу один пересказ рукописей». От меня на другой день Совета Р[ыбинский] допытывался, сколько стоило печатание книги, и прибавил, что «придется продавать имение» (несуществующее) ||, чтобы заплатить типографии.

Сказанное Р[ыбинским] — не пустые слова, в них — все полно яда. Возможно, что и при наличных рецензиях дело до диспута не дойдет, раз последует выставление левых в Совете.

А при благоприятных внешних обстоятельствах может произойти задержка с моей стороны, если разболеюсь. Согласитесь, прочесть столько сочинений чего-нибудь да стоит, особенно — когда человек тревожится и болеет. Приготовиться к торжественному диспуту нельзя как следует, || а устроить диспут по-семейному, без «помпы», убивающей человека, по-видимому, нельзя. Остается одно: даже и при благоприятных внешних обстоятельствах перенести диспут на следующий год, когда покрепнут нервы и поправится здоровье.

Так или иначе, из академии уйду. Она мне ничего не дала, кроме горя и страданий.

А Вы будьте здоровы и благодушны.

Ваш Н. П.

---

¹⁰⁰ Кальнев Михаил Александрович (1864–1942) — выпускник КДА (1890); по окончании академии служил епархиальным миссионером Ставропольской (1892–1894), затем Херсонской епархий, магистр богословия (1915). С 1920 г. в эмиграции в Болгарии, преподавал в Богословско-пастырском училище в монастыре св. Кирика.

Речь идет о представлении М. А. Кальневым в КДА магистерской диссертации «Обличение лжеучения русских сектантов-рационалистов» (Одесса, 1913). На работу были даны положительные отзывы и. д. доцента священника Николая Фетисова и заслуженного ординарного профессора С. Т. Голубева (ИЖЗС КДА за 1913/14 уч. г. Киев, 1914. С. 248–273, 273–279 соотв.) и высказано резко-отрицательное мнение члена Совета КДА профессора Ветхого Завета В. П. Рыбинского (Там же. С. 279–303). Хотя после голосования в феврале 1914 г. Совет все же допустил диссертацию к защите, половина членов Совета согласилась с мнением неофициального рецензента, что представленная на соискание магистерской степени книга «не имеет научного характера», в ней «совершенно нет того, что называется исследованием», причем даже в полемической части, при изложении сектантского учения.

2. ПИСЬМА [А. А. ДМИТРИЕВСКОГО] К Н. Н. ПАЛЬМОВУ

ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 924 (маш.; 2-й экз.)

№ 27 [Светлая Среда 1914 г.]¹⁰¹ Л. 3–4

Воистину Христос Воскресе,
дорогой Николай Николаевич!

л. 3

Ваш бесценный пасхальный подарок в первые три дня Пасхи прочел с удовольствием и теперь решаюсь поделиться своими возражениями.

Не вполне приятное впечатление производит на читателя масса опечаток не только в греческом, но даже в русском тексте. Типография Чоколова, очевидно, не имеет хороших наборщиков, а Вам самому, вероятно, нет времени внимательно читать корректурные листы. Желательно было бы, чтобы в следующих главах последнюю корректуру Вы поручали читать постороннему лицу. Не знаю, каковы в этом отношении приложения.

План едва ли будет одобрен Вашими рецензентами. Он не вполне естественен.

Судя по количеству листов не напечатанных (до 10 с оглавлениями), можно ожидать в дальнейшем двух глав: 1) малой схимы и 2) рясофор. Если так, то позвольте спросить Вас, как Вы надпишете || Ваше сочинение? Историко-археологическим исследованием его назвать нельзя, ибо в нем *истории* чина нет. По моему мнению, Вам следует надписать Вашу диссертацию так: «Историко-критическое обозрение источников (или документальных данных) чинов пострижения в монашество». И это название к диссертации вполне подходящее. Нельзя же назвать *историю* Ваши ссылки по поводу той или иной составной части чина в таком роде: эта особенность составляет принадлежность древнейших чинов, или самого раннего времени, или до Феодоровской редакции и т. д., и т. д. Все это неопределенно и туманно. В первых 15 листах нет указаний ни на редакции чинов, ни на их последовательность в историческом обозрении. Быть может, в конце исследования Вы предполагаете дать сжатую последовательную историю чинов, без этого же Вы должны ждать естественного упрека со стороны рецензентов, привыкших к иного рода литургическим исследованиям. Впрочем, если примете мое

¹⁰¹ Написано, видимо, в ответ на письмо Н. Н. Пальмова от 15 марта 1914 г. (Д. 568. Л. 58–61 об.).

надписание, то возражение падает. Посему мне думается, что последнюю главою диссертации будет схематическая история чинов пострижений.

Жаль, что главы не имеют вывесок. Оглавление их не заменит.

л. 4 Итак, с Богом ведите Вашу интересную работу || до конца и присылайте мне скорее III главу, а затем IV и V. Время теперь у Вас свободное, и можете работать спокойно.

Будьте здоровы и счастливы.

№ 28 [от 10 мая 1914 г.] Л. 1–2 об.

л. 1 Дорогой Николай Николаевич.

Вчера, 9 мая, в день св. Николая Барийского я был приглашен в комиссию по церковным делам при Государственной Думе и просидел с живым интересом до 12 ч. ночи. Рассматривался глубоко интересный вопрос об увеличении окладов содержания профессоров и служащих в духовных академиях. Докладчиком является известный профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев. Хотя доклад и не отличался основательностью и обиловал ненужными и даже компрометирующими наши академии подробностями, но он был принят в комиссии с замечательным единодушием и благожелательностью. Даже противники Синода и г. Саблера — светские депутаты (священники большею частью безмолвствовали) делали слабые возражения и говорили о том, что достойно и праведно поднять академии до университетов. Успеху доклада о вознаграждении профессоров и служащих в академиях мно-

л. 1 об. го || содействовал о. протоиерей А. В. Смирнов, бывший проф[ессор] Казанской академии и проф[ессор] богословия в Казанском университете, с блестящим успехом проведенный законопроект о вознаграждении профессоров университетов с отменой гонорара (законопроект этот в Бюджетной комиссии и на днях будет обсуждаться в общих собраниях Думы). Все искренно желают, чтобы новые штаты университетов вошли в жизнь с сентября месяца с. г. Что же касается штатов академий, то ввиду вялости докладчика эти штаты в текущую сессию Думы едва ли попадут и будут рассматриваться лишь в осенней сессии после каникул. Введены будут академические штаты лишь с 1-го января 1915 года и не по общей государственной смете, а на остатки от нее, и только с 1916 года будут вноситься уже в сметном порядке. Штаты академий вводятся в жизнь всего лишь на три года, как и штаты духовных семинарий

и училищ, ввиду опасения, что в Уставе академий могут быть произведены еще большие ломки, чем это сделано в последнем Уставе.

Особое оживление вызвали прения о содержании ректоров академий и секретаря и его помощника. Принято в конце концов мнение, что ректор академии — магистр богословия по содержанию приравняется к экстраординарному профессору с двумя прибавками через пять лет, а ректор — доктор богословия — к ординарному профессору с двумя прибавками. За || исполнение обязанностей он получает кроме того по л. 2 2000 р. в год при готовой квартире. В соответствии инспектору к окладу профессора экстраординарного или ординарного прибавляется за исполнение обязанностей 1500 рублей.

Тяжко обиженными остались секретарь и его помощник. Первому назначен оклад в 2400 р. без всяких надбавок, а второму — 1200 р. с двумя прибавками по 250 р.

Оклады по должностям распределяются так:

ректор — доктор: 4500 р. и две прибавки по 750 р. и за исполнение ректорских обязанностей 2000 р.;

ректор — магистр: 3000 р., две прибавки по 500 р. и за исполнение обязанностей 2000 р.;

ординарный проф[ессор] — 4500 р. и две прибавки по 750 р.;

экстраординарный проф[ессор] — 3000 р. и две прибавки по 500 р.;

доцент — 2400 р. и две прибавки по 300 р.;

лектор — 1500 р. и две прибавки по 250 р.;

практикант — 1200 р.;

библиотекарь — 1920 р. жалованья, квартира натурою или деньгами 480 р. и две прибавки по 300 р.;

помощник библиотекаря — 1200 р. и две прибавки по 250 р., квартира натурою;

помощник инспектора — 1800 р. жалованья и две прибавки по 300 р.;

секретарь 2400 р. и квартира натурою; ||

помощник секретаря — 1200 р. и две прибавки по 250 р.

л. 2 об.

О секретаре и помощнике горячо ратуют представители Св. Синода, и вопрос этот будет перерешаться в понедельник вечером.

Видите, «колицеми книгами писах Вам моею рукою» по любви к Вам и дорогой мне академии. Я надеюсь, что Вы эти сведения сообщите всем коллегам.

Н. Ю. Сухова

Примите еще раз мое сердечное поздравление с МОНАРШЕЮ [выделение А. А. Дмитриевского. — Н. С.] милостью и поздравьте звездоносного Степана Тимофеевича¹⁰².

Радуйтесь и паки реку радуйтесь.

Ваш искренний доброжелатель.

PS. Супруга кланяется и говорит, что она собирается писать Вам особо.

---

¹⁰² С. Т. Голубев был награжден орденом св. Станислава 1-й степени (1914).

3. ПИСЬМА Н. Н. ПАЛЬМОВА К А. И. ДМИТРИЕВСКОЙ (рук.)

ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 770

№ 29 от 30 января 1912 г. Киев. Л. 1–2 об.

Дорогая Анастасия Ивановна.

л. 1

Все-таки я был сегодня в семинарии на празднике, и не жалею, п[отому] ч[то] имел случай беседовать долго (до часу) с Иннокентием¹⁰³.

Случилось так, что он пригласил меня сесть после обеда рядом с собою. Завел речь прямо о деле, что-де имеем поползновение взять в академию Вас. || Я ему ответил, что из моего заявления он тоже знает о л. 1 об. моей готовности. Но теперь я рад случаю изъяснить ему свои сомнения и колебания. На это Ин[нокентий] сказал, что, видимо, Сам Господь призывает меня, и следует покориться Его воле.

После этого беседовали о теме конкурсной лекции. Ин[нокент]ию понравилось, что я хочу предложить новый материал. Отсюда, сказал, узнаем Вашу научную пытливость. ||

Затем скорбел, что левые возобладали в академии — к 300-летнему л. 2 юбилею нелегко показаться миру на глаза.

Пенял, что не бываю у него.

Потом пристал к беседе Никодим. Он понравился своей скромностью и тем, что нет в нем чванства. Монахи отметили, что Ник[одим] плакал, когда совершал Евхаристию. Это произвело на монахов впечатление. Был и Павел, но держался в сторонке. Публика была занята Иннокентием и Никодимом. ||

На дворе слякоть.

л. 2 об.

У Ваших давно не был. Из суда возвращался от 10 ч. в. до 5 минут. Весьма утомился.

Завтра пойду в Куст. магазин и поспешу Вам отписаться.

Всего хорошего. Будьте здоровы.

Ваш Н. Пальмов

№ 30 от 9 июня 1913 г. Киев. Л. 3–4 об.

Дорогая Анастасия Ивановна.

л. 3

Ал[ексей] Аф[анасьевич] пишет: «Богиня хандрит».

¹⁰³ Епископ Иннокентий (Ястребов), ректор КДА (см. прим. 27).

Что же Вы, в самом деле, — совсем поддались настроению и не хотите возвращать к себе былую веселость и жизнерадостность!

Веселый смотрит вокруг себя, — исполняйте миссию «утешительницы» других — обездоленных, скорбящих, озлобленных, подражая своей патронессе...

У Ваших я был вчера. Девушки посещают яхт-клуб, ходят в гости, были на свадьбе в унив[ерситетской] церкви у Лукьяненка. Приехали л. 3 об. отсюда на || казенной лошади, предоставленной ректором, — Сережа настроен ничего себе, — Сус[анна] Прох[оровна] здорова. В квартире маленький ремонт: переменяют обои в трех комнатах. Дом перекрашивают в новый цвет (слегка шоколадный), разрисовывают лестницу — проводят по ней электричество.

Пл[атон] П. Соколов, о случае с которым Вы прочли, наверное, в газете, которую я Вам послал, на другой день уже пошел в университет, хотя и с обвязанной головой. При падении ранил себе голову, и вышло много крови. Первую помощь дала аптека Поля, но кровь остановить не могла ни она, ни вызванная в аптеку скорая помощь. Поехали к Волковичу, и л. 4 тот уже сделал все, что нужно. Пл[атон] П. от Волковича, кажется, || пешком пришел домой. Вчера, в часы, когда я был у Ваших (4–5), Пл[атон] П. с С[офией] Я[ковлевной] ходил на перевязку (первую) к Волковичу.

В Киеве очень холодно. Впору надевать драповое пальто.

Был на Выставке¹⁰⁴. Здание замечательно красивое, но внутри нет почти ничего. Вечером особенно эффектно выставка, когда по карнизам посередине (в др[евне-]греческом стиле, с колоннами) зажигают электрические лампочки, а фонтан брызгает огненные струи. Район, занятый выставкой, громадный. На верх горы ведет лестница — большая, широкая — как в Одессе с бульвара к морю...

В Астрахань я выеду, вероятно, в понедельник на следующей не- л. 4 об. деле и буду жить там до тех пор, пока не напишу || сочинение, м[ожет] б[ыть], до октября. А если за это время не напишу, то, значит, и совсем не напишу: тогда должен буду искать новой службы и другого места.

О служебных делах буду писать сейчас Ал[ексею] А[фанасьевичу], а с Вами — пока до свидания.

¹⁰⁴ Всероссийская сельскохозяйственная, фабрично-заводская, торгово-промышленная и научно-художественная выставка, проходившая в Киеве с 29 мая по 15 октября 1913 г.

Не хандрите же, дорогая Анастасия Ивановна.

Если письма мои способствуют улучшению Вашего настроения, я охотно буду писать Вам, — только скажите, ибо боюсь, что вместо улучшения они еще больше расстраивают, м[ожет] б[ыть], Вас. Этого я совсем не хочу, — я хочу, напротив, видеть Вас радостной и веселой...

Ваш Н. П.

PS. Получили ли книжку Вогюэ об Иерусалиме¹⁰⁵? Я только что выписал ее для Вас из Парижа. П.

PPS. В члены О[бщества] Нестора Лет[описца] меня выбрали 17 голосами против 6.

П.

---

¹⁰⁵ Видимо, имеется в виду: *De Vogüé Eugène Melchior. Syrie, Palestine, Mont Athos. Paris, 1876.*